

5
55 лет Победе

Литературно-художественный
и краеведческий журнал

ЧЕРЕМШАН

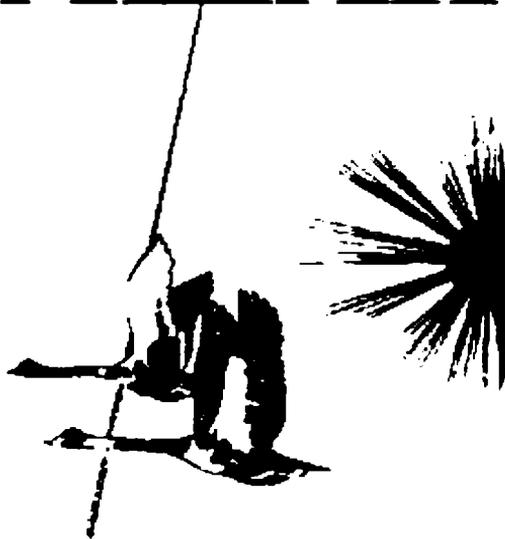
В номере:

Евгений ЛАРИН.
«Вечный поклон».
Из новой книги
стихов.

Римма
ДОЛОДАРЕНКО.
Мототриллер.

Иван ХМАРСКИЙ.
«Тайна матери».
Повесть.

Из фронтового
фотоальбома
«Черемшана».

ЧЕРЕМШАН

май

2000

Литературно-художественный
и краеведческий журнал
Димитровградской администрации
и Димитровградского отделения
Союза писателей России

ПОРАД

"МЕЛЕКЕСКО"

В НОМЕРЕ:

В.Гордеев. «Мелекесцы в боях за Родину». Очерк. 3

Евгений Ларин. «Вечный поклон».

Из новой книги стихов 10

Иван Хмарский. «Тайна матери». Повесть. 20

Римма Долодаренко. «Крым». Мототриллер. 47

Антология одной публикации в «Черемшане»: **Виктор**

Сысуев, Яков Рогачев, Леонид Артамонов, Людмила

Артемова, Елизавета Парфенова, Иван Лебедев. 74

Из фронтового фотоальбома «Черемшана». 83

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Паршин, Глава Дмитровграда

Н. Прохорова, директор краеведческого музея

В. Гордеев, член СП России, сопредседатель
писательского отделения

Е. Ларин, член СП России, сопредседатель писательского
отделения

А. Никонов, член СП России, член Совета писательского
отделения

С. Слюняев, член Совета писательского отделения

Л. Степанова, член Совета писательского отделения

В. Дюжий, член СЖ России, главный редактор газеты
«Дмитровград-панорама»

Главный редактор:

член Союза писателей России Валерий ГОРДЕЕВ.

Компьютерный дизайн: Т. Царева.

Техническое оформление: А. Ефремов.

Редакция извещает о том,
что с согласия авторов
их произведения временно
публикуются на безгонорарной
основе.

**Компьютерное
обеспечение редакции
официальной городской
газеты «Дмитровград-
панорама».**

**Главный редактор - член
Союза журналистов
России Владимир Дюжий.**

© «Черемшан» 2000

**Материалы журнала «Черемшан» размещены на страницах
тольяттинского сервера в Интернете: «Toline».**

Адрес редакции: 433510, Ульяновская обл., г.Дмитровград, ул.Юнг
Северного флота, 107. Телефон: 3-11-50.

Сдано в набор 1.04.00. Подписано в печать 12.04.00. Формат 60x90/16.

Усл. печ. л. 6. Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № 10192.

Цена свободная. Отпечатано в Дмитровградской гортипографии,
433510, Ульяновская обл., г.Дмитровград, ул.Юнг Северного флота, 107.

МЕЛЕКЕССЦЫ В БОЯХ ЗА РОДИНУ

Кажется только вчера оглошшие от тишины советские воины испещряли надписями немецкий рейхстаг, чуть ранее подоженный Георгием Димитровым (ну не везет немцам с их парламентом...). Еще вчера грозно и торжественно шли по брусчатке Красной площади сводные полки пододетых и надраенных к такому случаю красавцев-победителей, швырявших поверженные штандарты врага к подножию Мавзолея, к стопам Сталина.

Но ничто не может умалить настоящего подвига русского мужика, сломившего-таки хребет опытного, обученного, оснащенного и яростного фашизма. И грянул пир победителей в сердце Германии Берлине. На берегах Эльбы, соединивших тогда восторженную радость братьев по оружию, недолгих, но искренних в массовом сознании и героизме союзников. У норвежских фьордов и у стен Константинополя, в австрийских Альпах на «суворовских» тропах, в песках персидских, в гаоляновых полях Манчжурии, на кораблях у датских пристаней...

Гром Победы духа, разума, мужества и силы русского оружия не стихает через времена. И в этот день склоняем мы головы перед теми, кто своими руками, своими жизнями принес нам мир, обдав эту войну последней мировой на планете Земля. И мы все-таки не вправе забыть никогда ни всех, павших в те годы, ни тех, кто ушел от нас позже, не дожив, покалеченный войной. Ни тех, кто встал в почетный караул Победителей у обелисков 55 лет спустя...

У войны всенародной по сути нет тыла. Фронт проходит по передовым позициям, по надрывающимся от бессилия и бескормичьи заводам и пашням, по сердцу каждого, вольно или невольно вступившего в битву с врагом. Таким был и наш зафронтной Мелекес. Он отправил на передовую лучших своих сынов. Он растил для армии своих подростков. Он формировал у себя две дивизии новобранцев. Он принял эшелоны с беженцами, ранеными, добром с захваченных врагом территорий, сеял хлеб, готовил снаряды и мины, шил одежду, снабжал фронтовиков продовольствием...

25 лет тому назад мелекесские журналисты и литераторы собрали богатейший материал и создали коллективную повесть о воинском и трудовом подвиге своих земляков. К 30-летию Победы мы исполнили свой долг перед павшими и живыми тогда земляками, запечатлев в словах их жизнь, судьбы, биографии, дела. Сегодня, оглядываясь назад, можно только кратко повторить то, о чем было летописано на страницах газет «Знамя коммунизма» («ДП») и «Знамя труда». Помянуть, пусть немногие, имена и подвиги тех, кем наш город, наши земляки могут гордиться веками.

*Настимке:
разведчики
Черенков и
мелекесец
Абдулли
Бильданов
(кавалер трех
орденов Славы)
сфотографиро-
вались после
вылазки в тыл
врага за
«языком».
Второй
Прибалтийский
фронт.
Июль 1943 года.*

*На снимке: мелекесец
Ф. Кашиш, участник двух
мировых войн сфотографи-
рован уже после победы в
мае 1945 года.*

Победители... 20 апреля 1940 года газета «Сталинское знамя» (орган Мелекесского райкома ВКП(б) и районного Совета депутатов трудящихся, выходившая 12 раз в месяц) публикует снимок орденоносца, участника

боев у озера Хасан Алексея Логинова, который закончил изучение краткого курса истории ВКП(б). И здесь же, в обзорной статье о ходе полевых работ уверенно заявлено, что на мелекесских пашнях «заложен фундамент тучного сталинского урожая»...

Это была только прелюдия к предстоящим нам сражениям. Не знаю, вернулся ли в свой город в победном 45-м орденоносец Логинов, но точно знаю, что «тучного сталинского урожая» образца 40-го (и подавно - 41-го) не хватило не только вымершим от голода ленинградцам, но и всем остальным, воевавшим на фронте и в тылу, впроголодь приблизившим Победу...

Та же газета. Номер от 3 марта 1944 года. Цитата из обзора военных действий за время с 23 по 29 февраля 1944 года, которая напоминает нынешним ветеранам о тех грозových днях и о славных делах фронтовых: «На псковском направлении ведутся успешные боевые действия... Наступающими войсками заняты: Дно, Перхов, Струги, Красные Середки, Новоселье, Поженевицы...

В Калининской области освобожден от фашистов Новоржев... В Николаевской области - Нововоронцовка... В Днепропетровской - Широкое, Ингулец...

Войска 1 Белорусского фронта форсировали Днепр и взяли город Рогачев, уничтожив более 6000 немецких солдат и офицеров... Наши части отбили контратаку врага на плацдарме на западном берегу реки Стырь...

За это время на всех фронтах подбито и уничтожено 305 немецких танков, сбит 281 самолет».

С подслеповатого фото в этом же номере на нас смотрит земляк, командир эскадрильи штурмовиков, дважды кавалер ордена Красного Знамени, старший лейтенант Н.Рожков. Жив ли комзэк в день 55-летия Победы?

27 июня 1941 г. мелекесцы провожали на фронт первых своих воинов. В марте 42-го на базе 9-й саперной бригады у нас была сформирована и ушла под Сталинград 1-я стрелковая дивизия (впоследствии, с 31 декабря 1942-го - 58-я гвардейская), прошедшая с боями через Курскую дугу, Днепр, Харьков, Вислу, Сандомирские высоты - до Эльбы. Мелекесцы по праву гордятся, что наши земляки бесстрашно сражались и в сформированной в городе 336-й стрелковой дивизии... Город послал на фронт более 20 тысяч солдат-мелекесцев. Среди них было шестеро братьев Меляшинских, Храмовых, Шулаевых, пятеро - Игнатьевых, четверо - Клементьевых, четыре брата и сестра Галагины, отец и два сына Горностаевы, Зайцевы.

3 июля 1941-го Мелекесс принял первый эшелон с ранеными на фронте бойцами. И среди них уже были наши ребята! Первую в городе похоронку на мужа получила Мария Пынина. Анна Старовойтова первой из мелекессянок стала машинистом паровоза, заменив ушедших на войну мужчин. В 1-й школе, институте и в музее было развернуто три госпиталя...

На фронте Победу добывали нам наши земляки:

Иван Страшнов, чья роспись «украсила» рейхстаг после штурма Берлина, чей шаг в строю участников Парада Победы навсегда впечатан в главную площадь страны.

Артиллерист Алексей Иняков, громивший Берлин из пушки.

На снимке: жительница улицы им. К. Маркса нашего города Валентина Николаевна Мишулина (Безрукина), фронтовая медсестра, с боями прошедшая многие месяцы Великой Отечественной... Ныне - ветеран войны и труда, мама, бабушка...

Алексей Краснов, освобождавший Львов и бравший Берлин. Василий Гнатуш тоже привел свою самоходку в столицу Германии и расписался на стенах рейхсканцелярии.

Валентина Афанасьева; Григорий Шевченко, Григорий Панкрушин, Мария Аверьянова, Н.Чечнев, Гордей Анисимов, Федор Куряев, И.Никитин, Борис Петров, Евгений Савельев, Энвар Ахтямов, Василий Мышьяков, Виктор Ксенофонтов, - все они тоже фронтовыми дорогами и небесными трассами дошли до Берлина, раздавив там гадину гитлеризма.

Конечно, не всем военная судьба сподобила такую щедрость - побывать в логове германского фашизма. Но это несколько не умаляет их подвигов, их вклада в Победу. Полных три класса военного выпуска из 9-й мелекесской школы ушло на войну. И не вернулось с нее... 119 мелекесцев участвовало в героических боях на реке Свирь. Слобожанин, Егоров, Щербаков, Котельников, Полнов, Тахов, Косых, Ачкасов... При форсировании реки за особое мужество А.Барышев, Б.Юносов, И.Мытарев и В. Маркелов стали Героями Советского Союза. А в поселке Лаймола на обелиске навсегда останутся имена наших земляков, павших здесь: В.Прошлаков, В.Иванов, П.Мартынов, В.Кузнецов...

А как нам не отметить подвиги настоящих героев войны! Под Ленинградом свои подвиги совершили Н.Козлов и В.Ерменеев. Последний, в бою против воздушных асов Геринга, своим зенитным орудием лично сбил два самолета врага. Не менее мощную оборону, чем в Берлине, преодолели в Кенигсберге наши земляки: Ф.Гладких, И.Сафоненкова, Н.Чимбарцев - в составе отдельной морской стрелковой бригады, генерал Г.Захаров - кавалер высших французских орденов Почетного Легиона и Боевого Креста, почетный мэтр Парижа, командовавший авиадивизией, А.Бильданов - разведчик, кавалер ордена Славы всех трех степеней, В.Карасев и другие.

Победные бои с гитлеровцами еще под Москвой начинали мелекесцы Н.Вишняков, М.Аверьянова, Т.Жеребчиков, Б.Тирский, моряк Н.Карлов, А.Чернов, павший позднее в небывалом танковом сражении под Курском. Там же, на Курской дуге, овевали себя боевой славой жители Причеремшанья Дм.Мельников, А.Мазурина, ее сестра Надежда, Э.Ахтямов, В.Мышьяков, В.Андреев - командир огневого взвода, кавалер ордена Александра Невского...

Путь многих мелекесцев по фронтам второй мировой войны начинался со Сталинградской обороны. Здесь отличились генерал В.Баданов, А.Фифаров, Е.Дубровский, А.Савичева, А.Быстров, Н.Панюжев, П.Лисенков, один брат которого - Александр - пал

при обороне Киева, а другой - Михаил - был узником фашистских концлагерей...

Как не вспомнить нам и тех, кто героически отбивал-таки врага на Малой земле, таких, как капитан-орденоносец Михаил Шулаев, чей брат - Константин - при форсировании Днепра стал Героем Советского Союза, закончив бои в столице Австрии Вене, Максим Симарцев - кавалер орденов Славы.

По-своему увлекательны судьбы воинов-мелекесцев Николая Дерябина, служившего в Заполярье, разведчика из морской пехоты; Екатерины Карловой, дошедшей до Австрии; Газиза Мавзютова - танкиста, освобождавшего Орел, Данциг; Александра Андреева, служившего в разведуправлении ВМФ, работавшего под легендой в Токио; Марии Шушариной - разведчицы, дошедшей до Эльбы; Леонида Христофорова, дважды попадавшего во вражеский плен и бежавшего оттуда, закончившего войну в Дрездене; Муладжана Гумерова, после взятия Берлина служившего в охране военных преступников на Нюрнбергском процессе...

Немногие из них живы сегодня. Многие из мелекесцев не дожили до 9 мая 1945 года, сложив свои головы воинов земли русской на алтарь Отечества. Ставших легендой, памятью. В чью честь полыхает Вечный Огонь у нашего памятника Матери-Родине. 117134 рубля собрали горожане на строительство димитровградского мемориала, в котором воплотил нашу скорбь и память о павших в бронзу и камень скульптор Х.Геворкян. Открытие мемориала состоялось 9 мая 1975 года. С тех пор в дни воинских праздников здесь собираются не только вдовы, воины ВОВ, бывшие солдаты и офицеры, - весь город. Все, кому дорога память о подвигах наших земляков...

Очередным памятником победителям стало 55-летие Победы, воплощенное в книгу «Вечный поклон» российского писателя Евгения Ларина, воина из 77-й Симферопольской, Краснознаменной, ордена Суворова, имени Серго Орджоникидзе стрелковой дивизии, 51-й армии Первого Прибалтийского фронта. Книге этой предпослан подзаголовок - «Лирическое наследие фронтовиков Мелекесса-Димитровграда». Здесь собраны стихи, песни, поэмы, посвященные героям Отечественной войны. Книга Ларина стала поэтическим венком - даром не только оставшимся в живых ветеранам, но и всем димитровградцам, особенно молодому поколению. Слово о товарище по оружию написал известный в городе человек - «главнокомандующий» городской организации ветеранов ВОВ, почетный гражданин Димитровграда Иван Страшнов.

Интересна книга еще и тем, что в ней собраны и произведения, впервые опубликованные во фронтовых газетах, а посвященные воинам-землякам строки поэта проиллюстрированы фронтовыми фотографиями героев.

Необычный письменный памятник, воздвигнутый писателем Евгением Лариным, - первое подобное произведение за всю историю нашего города, нашей области. И значение его трудно переоценить.

Мы, редакция журнала «Чермешан», вся городская писательская организация - шлем свой вечный поклон Главе города - В.А.-Паршину, без подвижнической и творческой деятельности которого у нас не было бы ни духовного наследия, ни литературы, ни русской словесности вообще... Это поистине - поступок патриота и градоначальника-радителя, который поддержал и воплотил в дело замысел писателей, их слово и память сердца...

Мы рады, что наш «Черемшан» непосредственно причастен к этому поэтическому памятнику, к празднованию великой даты - 55-летию Победы. Вечный поклон вам, фронтовики!

В.Гордеев, гл. редактор журнала.

Мелекесцы - ветераны войны на своей традиционной встрече.

Евгений ЛАРИН

ВЕЧНЫЙ ПОКЛОН

СОЛДАТСКИЕ БОЛИ

Солдатские хвори,
Солдатские боли,
Опять вы коварство
Свое не забыли:
Опять к непогоде
Сильней закололи,
Опять заломили
И тяжко заныли.
Зачем беспокоите
Вы ветеранов,
Вернувшихся с поля
Кровавого боя?
Зачем им наносите
Новые раны,
Когда и от старых
Им нету покоя?
Затихла больница,
Притихла палата,
Лишь ветры занудно
За окнами дуют...
Как прежде, спасители
В белых халатах,
Склонясь,
Над гвардейцами века
Колдуют.
Когда эти воины
Были в окопах,
А землю - снаряды
Пахали, как пашню,
Солдаты с боями
Прошли пол-Европы,
Не зная ни хрипа,
Ни гриппа, ни кашля.
Тогда они были
Совсем молодыми
И молодость их
От недугов хранила.

Евгений Ларин участвовал в боях по освобождению советской Прибалтики от немецко-фашистских войск, но был не только солдатом, а также выступал в печати как корреспондент, автор фронтовых стихов. Сегодня Е. Ларин - единственный в нашей области фронтовик - член Союза писателей России, автор ряда книг, сотен журнальных публикаций, газетных очерков и зарисовок.

Мы поздравляем Евгения Степановича с выходом в свет его новой книги стихов - фронтовой лирики, подготовленной к 55-летию Победы.

Искренняя благодарность Главе города Дмитровграда В.А. Паришину за поддержку в издании этой книги, ставшей одной из частиц возрождения духовности в нашем государстве.

А ныне они уже
Стали седыми,
Их годы согнули
И время скрутило...:
Недуги и боли,
Не трогайте дедов, -
Испили до дна они
Горькую чашу.
Ведь это - солдаты
Великой Победы!
Ведь это - живая
История наша!

ВИННАЯ «БИБЛИОТЕКА»

О пьянстве с времён библейских
Не раз мудрецы писали,
А я прочитал в журнале
Из наших времён рассказ:
Как винную «библиотеку»
В годы войны спасали,
Чтоб сохранить кремлёвцам
Вина золотой запас.
Автор взахлёб рассказывал
Про старые царские вина,
Словно про древние рукописи
И редкостные тома
Времен Ярослава Мудрого,
Петра и Екатерины,
Словно страна спасала
Державный родник ума.
Душа у меня клокотала
От гнева и возмущения:
Солдатский отряд - не книги,
А бочки с вином грузил.
И эти напитки царские
Для Сталина и окружения
Везли специальным поездом
Куда-то в глубокий тыл...
Гибли сокровища мудрости,
Что создавались веками.
Их не всегда торопились
Спасать от огня войны.
Власть вывозила ёмкости
С мускатами и коньяками, -
Они для неё ценнее,
Поскольку им нету цены.
О, сколько Россией утрачено

Великого и святого!
Сколько книгохранилиц
Мы уберечь не смогли!
Не сберегли святыни
Ни Пушкина, ни Толстого,
А винную «библиотеку»
Для пьяниц Кремля спасли.
И тысячи спирта заводов
Державу спиртным залили.
Ведь, спаивая народы, -
Себя сберегает власть.
Но не вином старинным
Державу она споила.
Не от напитков царских
Россия тогда спилась.
Травили ее словоблудьем,
Душили ее голодухой.
Слезами и кровью невинных
Пропитана наша земля...
А добивала граждан
Сивуха да бормотуха,
Фруктовка да марганцовка
За рупь и за два рубля.
Мы царские вина не пили, -
Ими народ не поили.
У нас всенародной отравы
Не меньше в стране, чем воды.
И ныне по всей России
Реки текут хмельные
И образуют море
Горя и нашей беды...
Пока у нас будут властвовать
Винные «библиотеки»,
А не Толстой и Пушкин,
То не бывать добру.
Власть на Руси вовеки
Спаивала человека,
Чтобы не звал он по трезвости
Ни к бунту, ни к топору.
Чтоб во хмелю не услышал
Он трезвого умного слова,
И чтобы терпел покорно
Старых и новых царей...
Вот почему нет снова
Ни Разина, ни Пугачева,
Ни Минина, ни Пожарского,
Ни бунта, ни бунтарей!

ПОДАРОК

Уезжает в армию
Милый мой служить.
Надо мне любимому
Что-то подарить.
Подарить такое бы,
Чтобы дорогой
Вспомнил бы,
Как глянул бы
На подарок мой.
Подарю я милому
Шелковый кисет
За любовь горячую,
Ласки и привет.
Вышивала маками
Я его три дня.
Поглядит на вышивку -
Вспомнит про меня.
Нет, я лучше милому
Подарю платок,
Где ажурно выстрочен
Каждый уголок.
Я его обвязывала
С ним наедине.
Вытрется им ласковый -
Вспомнит обо мне.
Нет, все мои вышивки
Не любви чета.
Ой ты, сердце девичье,
Горе-маета.
Ты само подарочек
Милому готовь
И на память долгую
Подари любовь.

ГОЛУБЫЕ ПОГОНЫ

Голубые глаза,
Голубые погоны,
Вы мелькнули лазурью
В окошке вагона.
А колеса по рельсам
Стучали, стучали,
Оставляя в душе
Отголоски печали.
Голубые погоны,
Мне от вас не забытья.

Все мне снятся теперь
Синекрылые птицы.
А на небо взгляну,
Так глаза и зажмурую...
Голубые погоны
Даже вижу в лазури.
То ль от радости я,
То ль от счастья хмелею.
Я сама у девчат
На глазах голубею.
Голубая косынка
И кофта, и юбка.
Ох, не зря меня, видно,
Называют «голубка».
Ой, ты, Волга родимая, -
Счастья частица,
Скоро с милым придем
Мы к тебе поклониться.
Как увидишь его,
Верю, будешь согласна,
Что такого, как он,
Я ждала не напрасно.

МАТУШКА-РОССИЯ

Россия, матушка-Россия,
Как мне мила твоя краса,
Твои озера голубые,
Твои великие леса.
Как я люблю твои рассветы,
Твою степную тишину,
Твои цветы и самоцветы,
Твои и новь, и старину.
Россия, матушка-Россия,
Мой край родной и дорогой,
Тебя милее и красивей
Не знаю я страны другой.
Люблю твои луга густые,
Твои державные хлеба.
Россия, матушка-Россия,
Моя пресветлая судьба.
Россия, матушка-Россия,
Трудолюбивая земля.
Одеты в нивы золотые
Твои безмерные поля.
Любуюсь веснами твоими,
Когда в садах ты и в цветах.

*Россия, - ныне твое имя
У всей планеты на устах.
Россия, матушка-Россия,
Ты и в почете, и в чести.
Ты много бед переносила,
Чтоб людям счастье принести.
Ты всю их боль в душе вместила,
Хоть в ней и так немало ран...
Россия, матушка-Россия, -
Свет и надежда россиян.*

ЗЕМЛЯ

*Ты потом залита и кровью,
Но испокон веков народ
Тебя, земля,
Как мать, с любовью
Своей кормилицей зовет.
Пока живем
На белом свете,
То сколько б лет
Ни было нам,
Мы припадаем все,
Как дети,
К твоей груди,
К твоим соскам.
Ах, сколько ты людей
Издравила
Вскормила молоком земли!
И души наши,
Как деревья,
К тебе
Корнями приросли.*

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

*У внука - день рождения, -
Ему восемнадцать лет.
В глазах у него волнение
И радости яркий свет.
Все за столом веселятся,
Радость у всех молода...
Постой...
А когда восемнадцать
Было и мне?.. Когда?..
Помню ли я эту дату?
Какой в ней оставил след?*

Знаю, что стал солдатом
Я ровно в семнадцать лет.
И памяти сверток развертывая,
Пухнет от дум голова:
...Осень сорок четвертого.
Латвия и Литва.
Мы немцев прижали к морю,
Отрезав со всех сторон,
И черной фашистской своре
Большой нанесли урон.
Но грязь, бездорожье, болота
Да проливные дожди
И технику, и пехоту
Задерживали на пути.
Страницы войны листая,
Что память в себя вобрала,
Я вспомнил, как передовая
Вдоль берега озера шла.
А немцы за озером были,
Где ловко укрыли свой дот.
Оттуда по нам и строчили
То снайперы, то пулемет.
Ох, сколько из этого дота
Фашист причинил нам зла!
Наша стрелковая рота
Без боя потери несла.
И ротный сказал нам:
- Ну, братцы,
Пожалуй, настал уже час -
С дотом пора расквитаться,
Иначе он скосит всех нас...
И вот с командиром роты
Мы вчетвером пошли,
Сняли с сарая ворота
И к озеру принесли.
Ворота на воду спустили
И за полночь, сквозь темноту,
Мы озеро переплыли
Бесшумно, как на плоту.
А чтобы пробраться к доту,
Пошли мы к нему в обход,
И не одно болото
Переходили вброд..
Работу мы сделали чисто,
По несколько бросив гранат.
И в доте засевшим фашистам
Устроили малый ад.

А мы через те же болота,
Опять по тому же пути,
В свою возвращались роту -
И вот она рядом почти.
Сердце стремится пулей
В лоно своих траншей.
Но мы растревожили улей
Гитлеровских батарей.
Их мины вокруг взрывались,
Вздымая воды столбы.
Сосны и ели качались,
Вставала земля на дыбы.
От вылазки нашей фрицы
Остервенели вдвойне...
И чувствую я поясницей:
Что-то скользнуло по мне.
Оглядываюсь, а в траншее,
В метре всего от меня,
Немецкая мина, краснея,
Лежала, как головня...

Стремительно отбегаю,
Дышу тяжело-тяжело,
А мысленно представляю:
Меня бы в клочки разнесло!
Яснее не надо ясности,
Бледнею и весь горю,
И ротному об опасности
С тревогою говорю.
- Дайте лопату, ребята, -
Вполголоса ротный сказал.
И осторожно лопатой
Зловещую мину поднял...
И шел командир роты,
Как будто по тонкому льду,
И, словно лягушку, в болото
Отбросил от нас беду.
Замерли мы в напряженьи.
Мина уткнулась в грязь
И, к нашему удивленью,
Снова не взорвалась...
Да что ж это? Чудо? Везенье?
Иль заслонил меня Бог?..
- Считай этот день, Евгений,
Днем своего рождения! -
Ротный подвел итог.

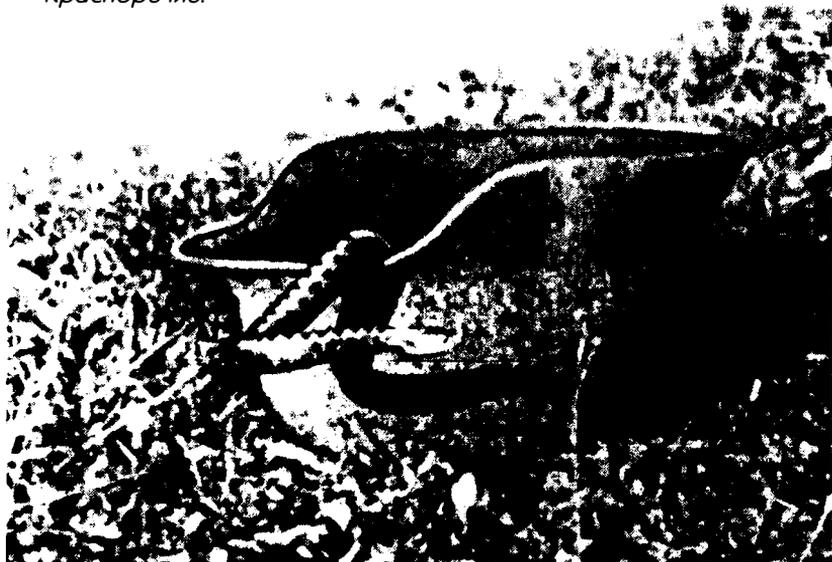
Опомнись чуток от волненья,
Вздыхнул я:
- А я и забыл,
Ведь у меня день рождения,
Ребята, в ч е р а еще был!..
На плечи рука командира
Тепло, по-отцовски легла.
- Вчера тебя м а м а родила,
А нынче с у д ь б а родила..
С тех пор пережил я много
И бед, и невзгод, и тревог,
Но сердцем молился Богу,
Что спас. Оградил. Уберег.
И в память о том спасении,
Всем горестям наперекор,
Я д в а своих дня рождения
Всегда отмечаю с тех пор.

ЕСЛИ...

Если я помню отцовский завет,
Он мне всегда пригодится,
А позабуду, то счастья мне нет,
Я, как бескрылая птица.
Если я слушаю друга совет, -
Тверже в пути я шагаю.
А не послушаю - путаю след
И бездорожьем блуждаю.
Если я Времени слышу слова -
Слышу и боли планеты.
Не помогу ей - то будет мертва.
Каждая строчка поэта.
Если над Родиной грянет беда,
Буду я к ней еще ближе.
Ну, а случится, - оглохну -
Т о г д а
Родику сердцем услышу.

ДРУГУ

Когда ты друг,
К тому же друг
И верный,
И порядочный,
То против ста
Недобрых рук -
Одной твоей
Достаточно.
Когда враги
Ревмя ревут
И воют, и куражатся,
Одно твое лишь
Слово тут
Сильней врагов
Окажется.
А если вместе
На допрос,
То знай, что твой
Язык примерз
Для речи и наречия.
Одно лишь только
Слово «нет»,
Или молчание в ответ -
Вот дружбы
Красноречие!

Иван ХМАРСКИЙ

ТАЙНА МАТЕРИ

Повесть

Когда Павлик учился еще в младших классах, он часто просил мать: «Расскажи о папе», при этом ее обычно задумчивое лицо приобретало встревоженное выражение, уголки губ устало опускались, а около них обозначались чуть заметные морщинки. Казалось, она старилась на глазах. Однажды, откинув назад светлые волосы сына и больно сжимая их рукой, Анна пытливо заглянула ему в глаза, словно хотела разглядеть в них что-то скрытое.

- Что же тебе еще рассказать, сынок? Ведь я тебе уже много раз говорила, что папа не вернулся с войны, пропал без вести.

Мальчик наморщил лоб, пытаясь вникнуть в смысл этих непонятных и страшных слов. Убит на фронте, погиб героем - это ясно, от этих грозных слов веет гордостью, но пропал...

- А какой он был?

Мать долго молчит, закусив губу, словно не слышит вопроса, и наконец через силу выдавливает из себя:

- Хороший...

Но Павлик упрямо допытывается:

- Это я знаю. А какой из себя: высокий?

- Нет, не очень.

- С усами?

- Нет, детка. Он был похож на тебя.

- На меня! - лицо Павлика озаряется радостной улыбкой. Он украдкой посматривает в зеркало: ему с трудом верится, чтобы взрослый, большой человек был похож на него, но мысль о какой-то связи с отцом невыразимо приятна.

- Разве вы с папой никогда не фотографировались?

- Мы снимались, но когда я с тобой эвакуировалась - все рас-
теряли...

- Как жалко! Мы бы сейчас увеличили карточку, - мечтает вслух
Павлик. - А у бабушки не осталось ни одной?

- Нет, - уже с легкой досадой отвечает мать. - Какой ты липуч-
ка. Не надо так много об этом думать, мне это тяжело. Понима-
ешь?

Он молча кивнул и украдкой от матери вздохнул.

- Я не буду, мамочка.

Анна искоса взглянула на сына и вдруг слегка провела паль-
цем по его губам. Павлик встрепенулся, поднял на неё удивлен-
ные глаза. Мать была снова прежней - молодой и близкой,

- Федул - губы надул, - сказала она, сморщив насмешливо нос.

- А еще мужичишка.

- Я не Федул.

Павлик обиженно отвел глаза и гордо выпрямился. Анна
взъерошила ему волосы.

- Давай лучше поборемся.

- Давай! - вскочил он на ноги. - Только чур ножку не подстав-
лять.

- Ладно, как-нибудь и так слажу.

Выгнув по-кошачьи спину, Павлик начал кружить вокруг мате-
ри и вдруг кинулся ей на шею.

- Ой, волосы спутаешь, - захохотала она, стараясь удержать-
ся на ногах. Затем гибко повернулась сильным станом и одним
этим легким движением сбросила его на диван.

- Да, ты вон какая сильная, - говорил он, барахтаясь и чувствуя,
как руки матери тисками прижимают его книзу.

- А ты сам всегда будь сильным, никому не поддавайся, - ска-
зала она уже серьезно, поправляя перед зеркалом выбившиеся
волосы. - И, пожалуйста, никогда не раскисай. Не терплю этого.

- Я в классе почти всех борю, - ответил он, подчиняясь своей
логике.

- Хвастунишка.

- Честное слово! Вот попробуй.

Он согнул в локте руку, затаил дыхание и покраснел от натуги.

- Лопнешь, - засмеялась Анна, взглянув на его напыщенное
лицо. - Вот что, силач, возьми-ка лучше молоток и прибей навесы
в сарае дяди Гриши. Он ведь старенький, ему помогать надо.

- Есть!

Павлик весело вышел из комнаты, а мать, проводив его рассеянной улыбкой, снова задумалась. Полусознательно стремясь заменить Павлику отца, она подавляла в себе необъятную нежность к сыну и с годами незаметно для себя выработала в отношениях с ним тот грубовато-шутливый тон, который, по ее мнению, нужен был мальчику, чтобы из него вырос человек мужественный и сильный.

Вскоре Павлик перестал расспрашивать об отце. Он догадался, что мать знает больше, чем говорит, и что на это есть свои причины. Он молчал, но его детское сердце было оцарапано, и маленькая рана так и не затягивалась, а потихоньку сочилась кровью, как сок на стволе молодой березы, которую кто-нибудь надрезал ранней весной. Уже зеленеют робкие влажные листочки, источая вокруг нежный аромат, а струйка все стекает, пока, наконец, не высохнет, оставив после себя трещину-шрам. С годами он разрастается в уродливый нарост на нежной белой коже дерева.

К тринадцати годам такой шрам образовался на сердце Павлика Кучеренко. К этому времени сын Анны учился в шестом классе. Жили они в небольшом приволжском городе Сосновке, окруженном со всех сторон густыми лесами.

Внешне Павлик отличался от большинства своих курносых одноклассников прямым с чуть заметной горбинкой носом и немного настороженным взглядом темных глаз, несколько необычных у светловолосого подростка. Красивый был мальчик и какой-то с виду открытый, смелый; в разговоре не уводил глаза в сторону, а глядел на собеседника так серьезно и пристально, что некоторых взрослых это смущало.

Большую часть свободного времени он проводил с матерью в лесу. Весной они рвали цветы, летом и осенью собирали ягоды, грибы, орехи. Павлик с детства не хуже крестьянского парнишки умел среди запаха листьев и хвои различать едва уловимый душок спелой земляники, знал, где лучше искать лесную смородину и малину, зорко распознавал под каленой листвой дубняка чуть приметную шляпку груздя или волжанки. Внезапно застыв вместе с матерью, он любовался вблизи каким-нибудь нарядным дятлом, старательно припавшим острым клювом к расщелине в коре сосны, или непоседливой кукушкой, отсчитывающей на высоком тополе чужие годы. Лежа на спине в густой траве, они подолгу следили за игрой белых летних облаков или распластанным в синеве коршуном.

В лесу мать преображалась, становилась совсем молодой и веселой: то перебежала от дерева к дереву, то аукала, как девочка, восторгаясь каждым красивым уголком, то нежно прижимала к себе букет ландышей или ромашек. И все восклицала:

- Ах, как хорошо! Как необыкновенно хорошо!

В такие минуты Павлик любил ее особенно сильно, хотя и не понимал, чем она так взволнована: лес как лес, все такой же, как всегда, привычный с детства. Но втайне он завидовал этой непонятной ему поэтической струнке в душе матери, которую она, видимо, скрывала от других.

Способности у него были средние, но учился он хорошо: в назначенные матерью часы усердно сидел за подготовкой домашних заданий, и сколько бы ни свистели под окнами ребята, вызывая его на улицу, с места не сходил. Из школьных предметов больше всего он любил биологию, которую преподавала молоденькая учительница Дарья Михайловна. Она же была и классной руководительницей шестого «А». Заметно было, что как только на уроке Дарья Михайловна обращалась к Павлику, щеки его розовели от удовольствия и смущения. Учительница чем-то напоминала ему мать.

Только по одному предмету у него была тройка, да и то с натяжкой, - по немецкому языку. Обычно дисциплинированный и пытливый, он становился неузнаваемым на уроках немецкого: предметом не занимался, а либо читал постороннюю книгу, либо насмешливо следил за учительницей, ожидая случая, чтобы повторить какое-нибудь чужое слово, которое показалось ему смешным. Когда его вызывали читать, он умышленно коверкал слова, заставляя смеяться весь класс, и не особенно огорчался, если получал двойку, которую называл «партицип цвай». Это тем более казалось странным, что учительница сама хорошо знала немецкий, ясно объясняла правила и разнообразила уроки.

Павлик находил какое-то злое удовольствие в том, чтобы выводить ее из равновесия. Что-то не по-детски жестокое светилось в его глазах, когда он дерзко отвечал на ее замечания. Казалось, он мстил кому-то за давнюю обиду и сам же чувствовал несправедливость и ненужность этой мести.

- Что мне с тобой делать, просто ума не приложу, - сказала однажды с ноткой отчаяния в голосе Дарья Михайловна. - Ну, скажи, почему ты его так не любишь?

- Просто не дается мне.

- Неправда, я тебя знаю. Если бы ты захотел, ночи бы просиживал, чтобы догнать остальных. И произношение у тебя прекрасное, настоящее немецкое.

Он поднял голову и посмотрел мимо учительницы.

- Они наших людей убивали, а я буду их язык учить... Вот еще!

И в голосе его зазвенела такая застарелая ненависть, что она внутренне поежилась, как будто на нее дохнуло зимней стужей из распахнутой внезапно двери.

- Ты не прав, не все немцы плохие, - сказала она медленно, подыскивая доводы и с тревогой-вглядываясь в этот новый для нее злобно-насмешливый блеск потемневших зрачков.

- Все! - убежденно ответил он.

Как-то дома Анна его спросила:

- Почему ты не хочешь, чтобы я тебе помогала?

- Мне неприятно, когда ты выговариваешь немецкие слова. Откуда ты так хорошо знаешь немецкий?

- В школе учила, как и ты. У нас был хороший учитель.

Павлик посмотрел на нее с сомнением.

***

В ту пору Анне Кучеренко исполнилось тридцать два года. Работала она техником на трикотажной фабрике, которая была вывезена из Белоруссии в Мелекесс еще в 1941 году, в первые месяцы войны. Кроме коренных жителей города, здесь было занято много эвакуированных. Почти у каждого из них была за плечами своя нелегкая история, и часто подруги, собираясь вместе, рассказывали о пережитом. Просили и Анну, однако она всегда отнекивалась, стараясь перевести разговор на другое. Вообще, среди бедовых, веселых работниц фабрики Кучеренко заметно отличалась замкнутостью.

Удивительно было ее упорное нежелание выйти замуж. Приехав в Мелекесс, она выглядела еще девушкой. Худенькой, стройной, черноокой, с густой темной косой. И только приглядевшись, можно было заметить, что не было уже в ее лице той девичьей свежести, когда кровь будто переливает горячими волнами и просвечивает под тонкой и прозрачной кожей, а в мягких округлых чертах так и порхает беспечная, радостная улыбка молодости, когда все еще так непостоянно и многообещающе. Нет, на ее смуглом лице южанки все уже твердо определилось: и ровный, без румянца, оттенок кожи, и печать какой-то постоянной скрытой грусти. Медленно оборачивалась ее красивая голова на зов подруги, неторопливым и спокойным был взгляд глубоких очей под тяжелыми ресницами, часто в горестном изломе застывали ее брови. И многим мужчинам хотелось приласкать

эту странно привлекательную женщину, услышать от нее предназначенное только для себя приветливое слово. Первыми пытались завязать близкое знакомство мелекесские парни, которые среди обширного женского царства здесь были наперечет. Она спокойно и дружелюбно отклоняла одно за другим все предложения пойти в кино, в клуб или прогуляться в городском саду, ссылаясь на свою занятость. И в самом деле, свободного времени у нее оставалось не много: вскоре она поступила заочно в техникум. Только если ей уж очень досаждали, лицо Анны становилось сухим и злым.

Всю душу Анна вкладывала в сына. Когда мальчик посещал садик, для нее самым счастливым событием дня было заходить за ним после работы. Бывало, торопится так, что даже запыхается, а встретив, жадно осмолит с головы до ног и все в глаза заглядывает: не задумчив ли, не опечален чем?

А начал Павлик в школу ходить, Анна два-три раза на неделю к учительнице забегала и часто повторяла странную для той просьбу:

- Вы ему побольше наших стихов давайте учить.

- А мы так и делаем.

Дважды за эти годы к ней приезжала энергичная старушка, с которой Анна оживленно беседовала по-украински.

После ее отъезда мать и сын снова жили одиноко. Занимали они довольно просторную, разделенную надвое комнату в большом деревянном доме в тихом окраинном переулке. Самым колоритным его обитателем был высокий костлявый старик с длинными свисающими усами, управдом дядя Гриша, в прошлом квалерист.

Как-то старик принес из комнаты пожелтевшую фотографию. На ней были изображены два молодых бойца в папахх со звездами. По обычаю того времени стояли они перед аппаратом неестественно прямо, с напряженным вниманием в глазах. Один из них, высокий, с большими, разлетевшимися в стороны усами, опирался левой рукой на саблю, а правой держал перед собой наган. Павлик с трудом угадал в его молодежовом, чистом лице сходство с морщинистым управдомом.

- С дружкой в Уфе снимались, - вспоминал со вздохом дядя Гриша. - Сыпняк его в Сибири скосил...

Иногда перед другими жильцами дядя Гриша пытался разобраться в жизни Анны:

- Женщина чистоплотная, ничего не скажешь. Эта после стир-

ки не выльет тайком на улицу ведро, понимает, что от этого всякая микроба разводится. А вот же замуж никак не выйдет. Да и то сказать, серьезного жениха теперь днем с фонарем поискать надо. Мелкота пошла, вертопрахи. А мне таких в дом не нужно. Мне мужчину серьезного подавай, чтобы потолковать можно было.

Мечта дяди Гриши сбылась гораздо позже. С годами Анна, которую теперь уже называли по отчеству - Дмитриевной, словно оттаяла после своего тайного горя, стала гораздо словоохотливее, а иногда как-то особенно звонко хохотала. Внешне она тоже изменилась: пополнела, превратилась в широкоплечую осанистую женщину. Красота ее теперь уже отдавала зрелостью. Появилась у нее и потребность устраивать счастье своих подруг, таких же одиноких женщин. Поклонниками самой Анны Дмитриевны были теперь уже не молодые парни, а люди солидного возраста: холостяки, разведенные, вдовцы. Больше всего дяде Грише приглянулся его старый знакомый Кузьма Трофимович, кладовщик райпотребсоюза, вдовец пятидесяти лет, который употреблял в своей речи солидные, степенные обороты: «коль скоро», «дабы», «не зирая на» и тому подобные.

Если ему надо было купить обувь, он спрашивал продавца: «А чем характеризуются эти ботинки?» и долго пощелкивал по подметке, поднося ее к уху, будто выбирая арбуз.

Задумав свататься к Анне Дмитриевне, он повел дело основательно, не торопясь: стал заходить как бы ненароком потолковать с дядей Гришей. Беседы шли преимущественно о погоде и видах на урожай. Сам Кузьма Трофимович никогда крестьянским трудом не занимался, но больше всего рассуждал об озирых и яровых, считая такие темы наиболее подходящими.

Анна Дмитриевна все еще не догадывалась, что эти визиты имеют к ней какое-то отношение, даже после того, как Кузьма Трофимович вплотную поинтересовался ее хозяйством. Осмотрев дровяник, он деловито заметил, что в хозяйстве нужны свиньи и куры. При этом все еще напоминал не жениха, а зоотехника. Павлик гораздо раньше матери понял, ради кого ходит Кузьма Трофимович, и однажды сказал ей:

- Мама, а жених опять здесь.

- Что ты выдумываешь? Чей жених?

- Твой.

- Не говори глупостей. И вообще, этот разговор не для твоего возраста.

Но Павлик упрямо продолжал:

- Если ты выйдешь замуж, я убегу из дома.

Объяснение с Кузьмой Трофимовичем состоялось в этот же вечер. Он заговорил о Павлике, который через три года закончит среднюю школу и, видимо, уедет учиться. Нелегко оставаться одной. Анна искоса взглянула на его доброе обрюзгшее лицо и смутилась, как девушка. Но вскоре на губах ее заиграла лукавая улыбка.

- Со мной вам счастья не будет, - сказала она ласково. - Я сварлива, сын у меня избалован, в квартире шум, гам, а вы уже человек в летах, вам покой нужен. Так ведь?

- Это действительно, - вздохнул жених.

- Вот и рассудите, стоит ли вам себе хомут на шею надевать. Но у меня есть на примете для вас вдовушка - просто клад. Женщина совершенно одинокая и кроткая, как горлица.

Так и уговорила Кузьму Трофимовича. Женился он и как будто доволен, хотя вдовушка оказалась далеко не горлицей.

Дядя Гриша был глубоко разочарован таким исходом дела и во всеуслышание порицал Анну Дмитриевну.

- Капризная женщина. Тот ей не нравится, другой, третий. На что Кузьма Трофимович степенный был человек, один разговор чего стоит - отвергла. Нет, что ни говорите, избаловала власть женщину, много ей прав дадено.

И только к одному человеку Анна Дмитриевна была заметно неравнодушна - к другу своего сына инженеру Токареву.

***

Началось это так. В конце первой четверти в шестой класс, где учился Павлик, пришла новая ученица - Майя Токарева, важная, аккуратно одетая девочка высокого роста с очень прямой спиной и крепкими ногами. Идя по школьному коридору, она как-то особенно твердо стучала каблучками о пол, будто не просто шагала, а занималась серьезным делом, и при этом строго смотрела прямо перед собой, сдвинув темные брови. В уверенном взгляде ее светлых глаз, в особенной энергии опаленного румянцем лица с коротким носом и круглым подбородком, даже в туго сплетенной русой косичке, висящей сзади, - угадывался характер твердый и властный.

Дети, попадающие в класс в середине учебного года, пользуются со стороны других особенным вниманием - естественное проявление интереса к новизне. Девочки прежде всего осмот-

рели и похвалили ее косу в большом черным бантом, затем вишневое шерстяное платье и безупречной свежести красный шелковый галстук. Со стороны мальчиков внимание проявилось в других формах. Один из них в ее присутствии почувствовал почему-то такую сильную потребность наскакивать в школьном дворе на своих товарищей, ставить им подножки и вообще демонстрировать свою силу и ловкость; другой попробовал на улице лихо прокатиться мимо нее на велосипеде, не держась за руль, но потерял равновесие и свалился в канаву, после чего, прихрамывая, незаметно отбыл домой, стараясь не глядеть на погнутое колесо. А самый маленький в классе Игорек Воробьев, сидевший сзади Майи, в первый же день весь урок русского языка занимался тем, что толкал ее ручкой в спину, когда это не подействовало, он распустил ей бант и привязал его к парте. Она терпеливо дождалась перерыва и, как только учитель вышел, отвязала бант, встала, деловито повалила Игорька на спину и минут пять драла его за уши, как ни брыкался он, стараясь высвободиться. Поднялся Игорек малиновый и растрепанный, как на карикатуре, растерянно вертя во все стороны головой, под смех всего класса.

На уроках, если ей удавалось вспомнить ответ на вопрос учителя, она с умненьким видом поднимала руку и не трясла ею, как другие, а терпеливо ждала, когда ее спросят. Иногда при этом оглядывалась на Павлика, который с досадой отворачивался: новенькая не понравилась ему с первых дней, особенно после того, как на уроке немецкого обнаружилось, что она далеко обогнала весь класс. Мать Павлика вскоре узнала, что в класс пришла ученица, которая очень «задается». Выслушав с самым серьезным видом это сообщение, Анна провела с сыном маленькую нравоучительную беседу о том, как плохо быть самолюбивым и гордым, а, оставшись одна, улыбнулась и вздохнула: боже, как они еще глупы.

Своего классного руководителя Майя очень скоро покорила детской непосредственностью и практичностью.

- Какой у вас красивый воротничок, - сказала она однажды, внимательно разглядывая узор. - Вы покупали готовый или заказывали?

Дарья Михайловна удивленно подняла бровь, а затем вдруг расхохоталась.

- Разве я сказала что-нибудь смешное? - расширила глаза Майя.

- Нет, нет. Ты просто маленькая хозяйка, и это очень хорошо.

- А у меня нет мамы, и мы все делаем с тетей Олей сами, - рассудительно объяснила Майя.

- Я знаю. Твой папа мне рассказывал.

Дарья Михайловна привлекла ее к себе и поправила галстук.

Через неделю Майя подошла к Павлику.

- Дарья Михайловна прикрепила меня тебя ко мне, чтобы я помогала тебе по немецкому, - сказала она строго. - Ты отстал и тянешь весь класс назад. Приходи сегодня после обеда к нам домой.

- А где ты живешь? - подумав, спросил Павлик.

- Около Черемшана. Мой папа строит там порт. Наш дом все знают.

- Ого! Ничего себе тащиться.

- Ну, тогда я сама к тебе приду, если ты такой ленивый. Или ты боишься вечером возвращаться домой? Так папа тебя проводит.

- Боюсь! - презрительно усмехнулся Павлик. - Да мы с мамой за пять километров в лес уходим.

- Зачем?

- Собирать ягоды. И вообще, для прогулки.

- А мой папа может проплыть пять километров на спине без отдыха.

- Ладно хвалиться, приду, - протянул Павлик, показывая всем своим видом, что делает ей одолжение.

- Подумаешь! - вспыхнула она и с обиженным видом отошла.

Когда Павлик пришел вечером к Токаревым, Майи дома не было. Встретил его невысокий худощавый мужчина. Покатые плечи его туго облегал светлая спортивная куртка; из-под мохнатых бровей на Павлика пристально глянули такие же, как у Майи, светлые глаза.

- Плуша, кажется? Заходи, - сказал он гостю, как давно знакомому. - Меня зовут Георгий Степанович. Майя ушла с тетей в магазин. Сейчас они возвратятся.

- Как у вас много книг! - с изумлением проговорил Павлик, обходя высокие полки. - Как в библиотеке.

- Нравится?

Токарев подвел его к одному из шкафов.

- Здесь сказки, путешествия, приключения. Можешь брать домой, если что покажется интересным. А вот альбом с фотографиями Майи. Хочешь посмотреть?

- Да, - ответил он из вежливости.

На нескольких фотографиях Майя была снята с отцом, и Павлик увидел Токарева в военной форме.

- А где вы воевали? - спросил он.
- Под Ленинградом и на Курской дуге. А в Польше ранили и демобилизовали.

- Мой папа тоже воевал, - сказал Павлик со сдержанной гордостью. - Только он не вернулся... Пропал без вести...

- Вот как! Значит, ты его не видел и не помнишь?

- Мама говорит, что не видел. А мне кажется, я его помню. Как будто во сне это было. Он меня на плечах носил и про войну рассказывал, про Сталинград. Только папа был не в военной гимнастерке, а как все, в рабочем пиджаке. И еще я помню... - Павлик замялся.

- Что же?

- Будто он на меня за что-то рассердился и наказал...

- Странно. Конечно, все это тебе снилось, - задумчиво проговорил Токарев. - А вот и наши хозяйки вернулись.

В комнату вошла с сумкой оживленная, раздумывавшаяся Майя, за ней появилась пожилая женщина чопорного вида, очень похожая на Токарева.

- А я ждала, ждала, думала, ты совсем не придешь, - заговорила радостно Майя, увидев Павлика. - Тетя Оля, это вот мальчик, которого ко мне прикрепили.

- Ты что за крепостница такая, - сказала тетя Оля низким мужским голосом. - Никто его не прикреплял, а просто он хочет дружить с тобой. Здравствуй! Будем знакомы, - она протянула Павлику, как взрослому, большую, крепкую ладонь. Он несмело пожал.

Когда тетя Оля отошла, Токарев шепнул Павлику:

- Ты ее не бойся, она только с виду строгая. В шахматы играешь?

- Да.

- Вот и прекрасно. Пока женщины будут готовить, сгоняем партию.

Он потянулся было за шахматной доской, но Майя решительно схватила ее и унесла в другую комнату.

- Уже подружился, - сказала она сердито. - Сначала позанимаемся, а потом уж играйте.

- Вот кого бойся, - указал Токарев на дочь. - Ну, начинайте, а я пока почитаю газеты.

Павлик с матерью почти ни у кого не бывали в гостях, и сейчас он с любопытством присматривался к этой чужой для него семье. Чем больше он узнавал ее в этот первый вечер, тем больше нра-

вилась ему простота и ясность в отношениях между Токаревым и Майей, та ясность, которой, как он смутно чувствовал, ему не хватало дома.

После чая Георгий Степанович проводил его до центральной улицы. Возвратясь, он плотно прикрыл дверь в комнату Майи, которая готовилась ко сну, и задумчиво сказал уже сестре:

- У этого мальчика какая-то душевная травма, связанная с отцом. Он почему-то меня очень заинтересовал.

С тех пор Павлик стал часто бывать у своих новых друзей.

После нового года он даже обогнал большинство учеников своего класса по немецкому языку, а дома настолько прожужжал матери уши Токаревым, что и она не на шутку заинтересовалась инженером. Знакомство состоялось в феврале, во время выборов.

Погода в тот день выдалась необыкновенно славная. Ночью упал густой туман, и к рассвету дома, деревья, провода покрылись толстым слоем мохнатого инея. Часам к десяти проглянуло солнце, как будто и не очень яркое, но такое, что все забелело, заиграло, словно весной в цвету. На городской площади было организовано катание на санях. Купив билеты, Анна и Павлик терпеливо ждали своей очереди. Подчиняясь общему праздничному оживлению, Анна чувствовала себя особенно легко и радостно.

Как у всех смуглых людей, зимой лицо Анны становилось гораздо свежее, и это ей шло. На щеках она ощущала приятное покалывание мороза и, слегка потирая их варежкой, разалелась, как девушка. Многие оборачивались, чтобы еще раз взглянуть на эту молодую женщину в белом вязаном платке, из-под которого так и сияли радостью счастливые глаза. Павлик все замечал и втайне гордился матерью.

Вдруг он слегка потянул ее за рукав. Навстречу им шел в светлом пальто с меховым воротником спортивно подтянутый рыжеватый мужчина, держа за руку милостивую, крепко сбитую девочку. По восторженному взгляду Павлика Анна догадалась, что это были они, и почувствовала мимолетное разочарование: из рассказов сына она составила себе совсем другое представление о внешности инженера и даже почему-то побаивалась этой встречи. Токарев отрекомендовался, а Павлик и Майя тотчас отошли в сторону.

- Вот вы какая! - проговорил он с оттенком откровенного восхищения.

- Скажите лучше, что вы сделали с моим сыном. Он скоро со-

всем к вам переселится, - поспешно перебила она его, отводя разговор о себе.

В санях разместились все четверо, ребят усадили посередине, между собой. Когда въехали за окраиной в сосновый лес, их так и обдало торжественной тишиной и строгостью. Вблизи каждая сосновая игла выглядела, будто выгравированная на матовом серебре, а дальше деревья постепенно растворялись в сизой морозной дымке и, казалось, висели над землей. То тут, то там лес оживляли цветные фигуры лыжников. Даже говорливые ребята умолкли, боясь нарушить неосторожным словом величественную красоту зимнего леса.

Когда прощались в городе, Анна сама не заметила, как у нее вырвалось:

- Заходите к нам.

- Спасибо, - охотно принял приглашение инженер. - Я и сам давно собираюсь посмотреть, как живет Павлуша.

Токарев стал заходить запросто, иногда с Майей, а чаще один. Анна заметила, что девочка с первого же дня стала относиться к ней настороженно и неохотно сопровождала отца.

Казалось бы, что может быть для человека легче и проще, чем вести себя с другими естественно. Однако в жизни такой талант встречается не так уж часто. Кому-то непременно хочется чем-нибудь понравиться: внешностью, одеждой, умом, талантом, оригинальностью; другому - похвалиться достатком, продвижением по службе, знакомствами, успехами в делах амурных; третьему, напротив - прибедниться, чтобы извлечь из этого выгоду; четвертому - притвориться простаком и кого-то перехитрить; пятому...

Да мало ли возможностей предоставляет каждому из нас тот театр, который издревле принято называть жизнью, чтобы сыграть на его подмостках свою роль на публику.

Токарев в общении с людьми обладал этим талантом, то есть, играл самого себя и никого другого. Анна почувствовала это после первых же встреч, хотя и не могла объяснить себе, в чем тут дело. Просто ей с ним было легко. Понравилось ей и то, что он никогда не расспрашивал ее о прошлом. Только однажды перед служебной поездкой в Москву осторожно предложил зайти в Министерство обороны и попытаться узнать что-нибудь об отце Павлика. Она сухо отказалась и, уловив удивление в его взгляде, загадочно произнесла:

- Этого человека я никогда не буду разыскивать... Только не говорите об этом Павлику.

- Усвоил... - ответил он серьезно.

Между ними установилось молчаливое согласие не касаться ее прошлого, но о себе и Майе инженер рассказывал охотно и лишь о смерти жены от голода в Ленинграде упомянул сдержанно. Иногда он разгадывал с Павликом шахматные задачи из журнала, и оба настолько увлекались, что забывали об Анне. Она обычно садилась рядом с сыном. Положит ему руку на плечо и наблюдает за сосредоточенным лицом гостя, склонившегося над доской. Надо было что-то решать. Хотя Токарев ни разу не намекнул ей о своих чувствах, она понимала, что скоро такой разговор должен состояться и мысленно склонялась к тому, чтобы сказать «да». «Может быть, это последний шанс в моей жизни, - убеждала она себя. - Он человек порядочный, мне нравится, Павлик его любит, чего же еще? А то, что называют любовью, для меня, видно, уже миновало навсегда».

Токарев, однако, с объяснением не торопился. Речной порт на Черемшане готовили к сдаче, и инженер не появлялся у Анны больше месяца. Лишь в конце мая, незадолго до экзаменов Павлика за седьмой класс, он постучал в ее дверь.

- Ну вот и все! - весело сказал Токарев. - Порт комиссия приняла, здесь мне больше делать нечего. Получил назначение на большую стройку в Тольятти. Вы там бывали?

- Нет.

- Красивые места. Жигули.

- И когда же вы уезжаете? - разочарованно спросила она.

- Через полмесяца. Вот только не знаю, какую квартиру просить на новом месте: на трех человек или на пять? - он с улыбкой взглянул на Анну.

- У вас очень странная манера делать предложение, - сказала она, помолчав. - Все это очень серьезно...

- Согласен. Пытаюсь изо всех сил справиться с волнением и спрятаться за шуткой, но не получается. Все эти недели готовил к нашему разговору сестру и дочку. Они будут рады и вам, и Павлику.

- А вы самонадеянный. Не спросив моего согласия...

- Аня, ну зачем нам притворяться? Вы нравитесь мне, я вам...

- Нет, вы неподражаемы, - засмеялась она. - Ну, хорошо. Не буду притворяться. Да, я думала о нас с вами. Но вы ведь ничего не знаете о моем прошлом. Я очень благодарна вам за то, что вы не расспрашивали... Но тут случай особенный... Один раз я уже с замужеством обожглась. Не хочу, чтобы это случилось снова.

- Это так важно?
  - Да.
  - Тогда рассказывайте.
  - Не сейчас. Мне надо собраться с духом. Приходите завтра с утра, когда сын будет в школе.
- Он молча кивнул.

***

«Родилась я и выросла в Запорожской области. Село у нас поядочное: километра на три раскинулось в большой балке. Речкой на две части разделено. Одна половина рабочая: там железнодорожный узел, депо, кирпичный завод, мастерские; другая - колхоз.

Жили мы на колхозной территории и по старинке поселковые нас «заречанами» звали. Хата наша стояла в первом переулке от речки, в глубине двора. С улицы ее прикрывали три больших грушевых дерева, тут же в палисаднике разрослись вдоль забора кусты сирени и чайных роз, а дальше в саду - яблони, абрикосы, черешни, сливы и в самом конце - высокие серебристые тополя. Так что издали была видна только красная черепичная крыша да кое-где просвечивал кусок белой стены. И кругом у всех соседей тоже сады и сады без перерыва тянулись.

Семья у нас была немалая: отец, мать, замужняя сестра, два старших брата и я. Родители поженились молодыми, так что мы все уже выросли, а они еще не состарились. Отец заведовал фермой в колхозе, сестра с мужем в полеводческой бригаде работали, один брат помощником машиниста ездил, другой, Иван, был слесарем в депо. А я в школе училась. В сорок первом году мне семнадцатый год шел, десятый класс кончала.

Жили мы, можно сказать, по тем временам с достатком. Правда, бывали и трудные годы. У нас там, как и здесь, год на год не приходится: засухи часто случаются. А потом еще и с коллективизацией долго дело не ладилось...

Как самую младшую в семье, меня по обычаю больше всех и любили. Отец и мать лучший кусок за столом пододвигали. В одежде тоже не отказывали, наряжали во все лучшее, по сельским понятиям. К труду нас всех приучали сызмальства. По дому я все с матерью делала: и обед приготовишь, и постираешь, и белье перечинишь, и корову подоишь. А весной и летом уже известно - в огороде да в поле так и живешь.

«Черемшан». 5. 2000 г.

Учение давалось мне легко. Отец очень хотел видеть меня инженером. Часто, бывало, говорил: «Учись, Ганна. Пока жив, помогать буду». Я до сих пор его наказ выполняю: хоть годы и ушли, а после техникума заочно в институт поступила, как ни трудно одной с Павлушей управляться.

На каникулы нас отпустили, когда уже зацвели розы. Через неделю рано утром я, брат Иван и его товарищ по работе, слесарь Алеша пошли в степь на прополку подсолнуха и кукурузы. Уже с утра было жарко. Идем босиком, пятки приятно покалывает шершавая земля. Справа огромное поле под черным паром, а впереди на нем среди борозд будто лужицы голубой воды дрожат от марева. Слева такое же безбрежное зеленое поле озимой пшеницы. Уж в трубку она вышла, дружная, рослая, стебель к стеблю; так и лоснится на солнце да перекатывает волнами от легкого ветерка. Кончились поля, спустились мы в низину, там сенокос. Трава высокая, густая, яркими маками, синими волошками, белыми ромашками расцвечена. С краю два старика уже косить начали. Алеша побежал туда, быстро нарвал букет цветов и молча подал мне. Взглянула я на него повнимательнее. Ладный паренек. Плечи и руки мускулистые, красноватые от загара, приятно выделяются на фоне голубой майки; лицо круглое, чуть курносенькое и свежее-свежее. Так и веет от него чистотой. Рядом с братом он мальчиком казался. Иван рослый, коренастый, а у этого только плечи широкие, а в талии прямо подросток. Разговаривал он мало и держался очень серьезно, так, что мне даже смешно стало. Сама-то я хохотушкой была, нет-нет да и зальюсь на всю степь от шуток брата. Алеша только поглядывает на меня украдкой.

Подошли мы к подсолнухам. По всему полю склонились женщины в белом и между ними несколько темных фигур мужчин. Стали мы с мотыгами на грядки. Алеша рядом со мной.

- Ну, берегитесь, хлопцы. Только, чур, не срезать подсолнухов, - предупредила я и пошла вперед.

Сноровка у меня большая, да и к работе привычная, выносливости хватает. Только мелькает у меня отточенный край мотыги. Алеша поначалу взялся горячо, так, что скоро весь потом покрылся и свою красивую маечку снял, а потом отставать стал. Чересчур много силы напрасно тратил. Оглядываюсь, он уже в одних трусах остался, улыбается мне. Иван, тот не очень спешит, он вообще медлительный был. Советует ему:

- Ты за ней все равно не утонишься, лучше сразу - лапы вверх.

Проползла я пятый рядок, обратно по шестому пошла, а они только за середину пятого перевалили. Женщины посмеиваются. Вижу, грустит мой Алеша, а меня по-прежнему смех разбирает. Как только кончила свой ряд, навстречу ему пошла, помогла и показала, как легче полоть.

Вечером чувствую, спина ломит, как будто на ней весь день молотили. Мне еще двух девчат косари посадили на арбу с сеном, а ребята пешком домой пошли. Сидим мы, венки плетем.

- Приходите к нам сегодня гулять на берег, - кричат сверху ребятам девчата.

- Какое там гулянье, тут хотя бы домой к полуночи дойти, - отшучивается брат.

«Жалко, если не придут», - мелькнула у меня мысль.

Дома я вымылась, поужинала и снова - будто не работала. Ноги сами на гулянье просятся.

И вот с того вечера стал к нам Алеша наведываться. Держался он скромно и все в стороне от меня. Обычно подружки мои после того, как напоятся и натанцуются, расходились парами по берегу со своими хлопцами, а я тогда еще ни с кем не дружила. При всех бедовая была, а наедине с парнем не смела оставаться, да и мать наказывала поздно не задерживаться. А тут у меня появилось что-то вроде зависти к подругам, и на него стала брать досада: что он все присматривается ко мне, будто приценивается.

Примерно через полмесяца после нашего знакомства к нам на берег пришел подвыпивший шалопап Юхимка и стал по обыкновению выламываться. Я сразу же моргнула девчатам - расходитесь, и первая повернула домой. Вдруг он догнал меня, схватил за руку и дернул так, что я с трудом устояла на ногах.

- Брезгуешь нами! - заорал он, вставив безобразное ругательство. - В городские метишь, в инженерши! Не спеши чересчур. Скажешь гоп, как перескочишь.

Не могу передать, какую злость вызвали во мне эти слова.

- Бреешь, придурок! - кричу. - По-моему, а не по-твоему будет!

Да со всего размаху его по щеке ладонью так, что по всей левде разнеслось. Заревел он, как бык, размахнулся со всего плеча и, наверно, похоронили бы меня, да в это время Алеша бросился вперед и схватил его за руку. Белый, как полотно, губы дрожат.

- Убью за нее! - только и выговорил, но так, что все поняли: не на ветер слова эти брошены. И первым почувствовал это Юхимка. Оглянулся он, а с другой стороны брат мой Иван подходит.

Тоже на все готов. Видим, на лице у Юхимки появилась кривая усмешка.

- Что вы, хлопцы, всуерьез что ли? Я ж пошутковал, - а сам пятится, пятится и все оглядывается: не заходит ли кто еще сзади. Вслед ему, конечно, свист и хохот. С той поры к нам он больше не приходил, а дебоширил в поселке.

А мы с Алешей с того вечера стали прогуливаться на берегу вдвоем. Не замечаем, как и полночь подойдет. Луна поднимется высоко-высоко, все звезды погасит; на голубоватой траве темным кружевом тени переплетутся, а вдали, на другой стороне реки, стены домов светятся. Тихо в это время на реке. Лягушки уже угомонились, только изредка рыба вскинется или выпь глухо ухнет, да на лугу конь зафырчит. Одна из таких ночей запомнилась мне навсегда. Дошли мы с Алешей до своей любимой ивы. С нее ветки серьгами свешивались до самой земли, с листьев сочится влага, и капли шелестят, будто редкий дождик. А мы стоим под этим шатром, обнявшись, совсем одни. Только кусочек яркого месяца к нам сквозь ветки проглядывает.

«Что же со мной происходит? - думаю я. - Никогда такого не было. Отчего так хорошо? Или это и есть то полное счастье, которого я так ждала?»

Знаете, в молодости каждый для себя открывает это счастье заново и только один раз в жизни. У каждого оно неповторимо, хоть слова одни и те же говорятся. Трудно о нем рассказывать, как о хорошей музыке: льются звуки, трогаются струны души, а попробуй передай это словами.

- Ты о чем задумался, Алешенька?

- Так... Люблю тебя очень.

- И я тоже.

Помолчали мы. Вдруг он отодвигается от меня, придерживает руками плечи, а сам пристально- пристально смотрит и говорит:

- Знаешь, Аня, мне все как-то не верится, что это навсегда. Ты не шутишь надо мной?

- Алешенька, как ты можешь!

- И никогда меня не обманешь?

- Никогда.

- Запомни же это. Иначе я ни во что верить не буду.

И клялась я в ту ночь всем, что было для меня святого, беречь наше счастье. Да не суждено было нам его испытать. Правду говорит народное поверье: не стой под ивой плакучей...

Алексея взяли в армию на второй же день войны. Проститься с

ним успела кое-как наспех на вокзале, среди сутолоки и общего горя. А вслед за ним братьев и зятя проводила.

В горячке первых месяцев войны не успели мы опомниться, как фашисты в нашу область вступили. Отец до последних дней на ферме занят был, а тут приказ - эвакуировать скот. Он мне и говорит: «Со мной поедешь. Помогать будешь». Мать осталась дом стеречь, а старшая сестра с дочкой выехала к родственникам в Ростов.

Едва отогнали мы с отцом скот километров на сорок, настигли нас немецкие автоматчики на мотоциклах. Вернулись мы домой. Отец после этого с неделю по садочку хмурый ходил, о чем-то думал. Стали к нему товарищи наведываться из деповских и колхозников. А потом собрала мать продовольствие, и ушел он от нас садками в сумерках. Я его долго провожала, просила взять с собой. «Нет, Ганна, пока тут оставайся. Понадобиться нам можешь».

В ту же ночь еще несколько жителей из нашего села исчезло. С тех пор только и слышно: кто-то на току облил керосином и поджег приготовленные немцами к вывозке вороха зерна; в соседнем селе немецкого офицера убили; на перегоне рельсы развели - товарный поезд под откос свалился. Начали немцы облавы устраивать. Все по садам да в камышах с овчарками лазили. Нас допрашивали и тополя в саду зачем-то спилили. А потом стали вырубать деревья и кусты по берегам речки. Оголили ее так, что глядеть больно. Вся красота пропала.

И вот дошла до нас страшная весть: отца фашисты уже в Запорожье выследили и в перестрелке убили. Погиб папа... Но как ни велико было свое горе, и оно утонуло в необъятном общем.

Только Юхимка при немцах пристроился. Как-то проходит он мимо нашего двора в форме с трезубцем. На боку пистолет: в полицаи записался. Облокотился о ворота, ухмыляется и меня подзывает. Я подошла, а от него самогоном за два метра разит.

- Ну, как дела? - спрашивает. - Как это вы там при Советах пели? «Кто был ничем, тот станет всем». Так, что ли? Га-га!

Я молчу.

- О-бо-ждите! - грозит пальцем. - Не то еще вам будет. Вот. Но я, промежду прочим, лично не злопамятный. Могу тебя на работу в комендатуру пристроить. Ты, говорят, в школе по-ихнему хорошо шпрехать научилась?

- У меня и дома работы много, - уклончиво ответила я.

- Не хочешь, значит. Ждешь еще, надеешься? А на что, интересно?

Подумала я и говорю:

- Еще не было такой ночи, чтобы утром не взошло солнце.

- Хм, солнце... Как это понимать? Загадки загадываешь? Ничего, скоро всех разгадаем. Жди, я как-нибудь еще выберу время, наведу, до чего-нибудь одного договоримся.

С тем и ушел.

К осени нагрянула новая беда: пришла на мое имя из комендатуры повестка явиться на медицинское освидетельствование для отправки на работу в Германию. Что делать? Мать говорит мне: «Попробуй, доню, одно средство».

Поймала она в оставшемся у нас улье несколько пчел и пустила мне на ноги. Искусали они мне икры и ступни так, что те, как колодки, распухли. Явилась я в назначенное время с такими ногами на медицинский пункт. Сидят там немец-фельдшер и наша женщина-врач. Много она добра в те месяцы для людей сделала, пока не дознались захватчики; в лагере где-то погибла...

Посмотрел немец-фельдшер на мои ноги и спрашивает:

- Зачем толстые?

- Отекают. Сердечница.

Обернулся к врачу, та кивает:

- Правда. Она у меня с детства лечится.

- Плехо. Иди домой.

Через месяц опять на комиссию, и опять пчелы. Да разве долго такое скроешь? Как ни прячусь, а видно - здоровая.

Однажды в субботу под вечер входят к нам во двор Юхимка, а с ним двое пожилых мужчин в старинных, пропахших нафталином чумарках и с вышитыми полотенцами, повязанными через плечо. Все под хмелем. Я спрашиваю маму, почему они так странно нарядились. Она только руками всплеснула: «Да это же сваты!»

Пока старики с матерью калякали, Юхимка подошел ко мне и, сплевывая, как всегда, чуть ли не после каждого слова, завел такую речь:

- Хоть твой батько и расстрелян как враг германского государства, но тебе со мной бояться нечего. Так что выходи за меня замуж. Вот. И будь покойна, заживем, как наши батьки когда-то жили. Вот. Обеспечу всем. Знаешь, сколько у меня за эти месяцы разных ценных вещей собралось? А слесарька своего из головы выкинь: его кости уже где-нибудь в балке гниют.

Показала я ему на самую высокую грушу.

- Видишь?

- Вижу. А что такое?

- Лучше я сегодня ночью на ней повешусь, чем буду твоей женой.

- Ах ты, инженерша недопеченная! Попомни же эти слова. Приспичит - сама ко мне прибежишь. Эй, деды, домой!

Позвал своих стариков, и со двора. А на другой день уже без всякой повестки приходят за мной двое.

- Собирайся.

- Куда?

- Там скажут.

- Прощай, мама. Чует мое сердце, не скоро ты увидишь свою дочку.

Привели меня к тому же фельдшеру. Покосился на меня зло.

- Уже выздоровела? Хитрая лисица. Наказывать надо. Будешь поработать для райха.

Привезли нас в Баварию. Первое время я в большом поместье, у грессбауэра работала. Хозяина самого-то в живых не было, так что всем богатством вдова его, фрау Хильда, командовала. Женщина уже в возрасте: годов так за сорок. Кроме меня в имении батрачили еще поляки и несколько наших девчат и хлопцев. Хозяйка и до этого, видать, скупая была, а тут совсем остервенела: за каждой морковкой и картошкой следила - не съели бы работники сверх рациона. Рука у нее тяжелая, костистая - ударит не хуже мужчины: в ушах звенит. И вообще, она сильно на мужика смахивала. Шагает, бывало, как солдат: ноги расставляет широко, ступает твердо, руками, как положено, до пояса размахивает. А поедет на своей пролетке - сама правит и на лошадь баском покрикивает. Но внутри она гнилая была: под глазами часто отеки появлялись, а белки глаз желтизной отдавали. Мне она старую волчицу напоминала, а наши ее за длинные ноги и острый нос Цаплей прозвали.

Набожная чертовка была. Как воскресенье, так и тащит в кирку своих детишек. Ребята у нее росли славненькие. Идут, бывало, свежие, чистенькие, наглаженные - мальчик в коротких штанишках с пуговками, девочка - в белом платье и с бантом в завитых волосах. Проходят мимо нас и косятся с любопытством и страхом: что, мол, за порода людей такая? А мы в сарае жили, спали на опилках, покрытых рогожей, - всегда усталые, запыленные, голодные, злые. Но дети есть дети, даже нам на них приятно глядеть. А мать так и дернет их за руку: не смейте, дескать, на этих рабов глазеть. Смотрю я на нее и думаю: вот ты, змея, в церковь

ползешь; интересно, с какими глазами ты перед богом будешь отчитываться за свои паскудные дела: ведь на твоей душе самый страшный грех - детские души ненавистью к людям калечишь.

И представьте себе, покарала ее судьба. Отчасти и я оказалась к этому причастной. Был в ее поместье старший над рабочими, пан Владек, наполовину немец, наполовину поляк. Мазурами таких звали. В Германию он приехал из Польши еще в сороковом году. Сначала тоже батрачил, а потом «выдвинулся». В то время фрау Хильда как раз траур донашивала, а этот самый Владек был из себя смазливенький. Роста небольшого, с усиками, губы розовые, сердечком, как на вывесках в парикмахерских иногда малюют. В разговоре любил прихвастнуть да и соврать недорого брал. Нас он открыто особенно не притеснял - побаивался своих ребят-поляков и наших хлопцев. Доносил хозяйке исподтишка. Так вот, дотянула хозяйка аккуратно день в день траур, да и сделала этого пана Владека своим вторым мужем. Конечно, тайком, потому что закон запрещал немке за поляка замуж выходить. Закон-то законом, а прилепилась она к нему побабьи, уже без всякого соображения.

Но противна она ему была, как рвотный порошок. Вот он и стал к нашим девчатам приставать. К ним, будто в шутку, а ко мне всерьез. Жаловаться задумал на свою судьбу: какой он, видите, несчастный. Дальше больше: заводит уже разговор о будущем, о женитьбе после войны. А мне на него, холуя, и глядеть тошно. Но ответила я ему по-хорошему: «Ты меня, парень, оставь добром. Сам подумай, до любви ли мне в этом пекле. А главное, меня жених дома ждет». Он только засмеялся и после этого совсем проходу уже мне не дает. «Нет, - думаю, - добром это не кончится: или бежать мне отсюда надо, или позора не миновать». Посоветовалась я с подружками, как мне быть. Они и говорят: «Ты, Ганна, не расстраивайся, мы знаем одно такое средство, что сам отстанет». Да в тот же вечер пошли к хозяйке и кое-как ей все растолковали.

На другой день работаем мы с утра на току. Вот часов в девять призывают меня к фрау. Сидит она в халате на диване около столика. Кофейник перед ней, сливки, булка с маслом. Сначала долго меня в лицо рассматривала и все морщилась, как будто кислого чего откусила. Потом знаком показывает, чтобы я повернулась к ней боком. Осмотрела и мрачно так говорит:

- Мне передали, что ты осмелилась приставать к пану Владеку. Это правда?

Я тогда уже довольно хорошо по-немецки понимала и говорила. Отвечаю ей:

- Нет, не правда.

- Он тебе, наверное, приглянулся? Может быть, ты замуж за него вздумала выйти? Красивый мужчина, не так ли?

И коротко засмеялась деревянным голосом. Я покачала головой:

- Мне он не нужен.

- Не хочешь ли ты сказать, что пан Владек сам на тебя обращает внимание?

- Да, он мне не дает проходу.

- Ах ты, пугало огородное! Что выдумала! Да ты взгляни хоть в зеркало, на что ты похожа.

А я себя в зеркале давно не видела. Гляжу в трюмо - действительно, изменилась: похудела, почернела, а тут еще запылилась, ручки от пота по щекам стекают. Обида и злость меня взяли. Поняла я, что завидует она люто моей молодости. Последнее готова отнять, если бы на то власть ее была. Свернула я с себя платок, утерлась и выпрямилась: хоть и работой измучена, а в сравнении с нею, как спелая вишня против сушеной. Когда я платок снимала, коса у меня выпала на грудь и немного рассыпалась. Стала я заплетать ее, а сама смотрю на жиденькие кудельки хозяйки и нарочно усмехаюсь. Ее всю так и перевернуло.

- Отойди от зеркала! Чего уставилась! Уж не красавицей ли себя ты вообразила? Ведь ты дикарка, азиатка! Понимаешь ли ты значение этих слов?

- Понимаю, - отвечаю ей как можно спокойнее, хотя меня всю трясет. - В школе я изучала немецкий язык и географию.

А сама думаю: «Ну, если европейки такие, как ты, доска гладильная, лучше уж азиаткой быть». И опять усмехнулась.

- Ты чему смеешься? - вызверилась она. А у самой щеки бурыми пятнами покрылись. Чувствую я, что дело идет к развязке, а остановиться уже не могу: человеческое достоинство не позволяет.

- Жить у вас очень весело, - отвечаю. - Работаем мало, обращаетесь вы вежливо, кормите хорошо...

Она, как ужаленная вскочила, даже кофе по столику расплескала.

- Ах, тебя плохо кормят! Так ты же у меня по горло сыта будешь!

Хотела меня ударить, но я перехватила ее руку, а другой тол-

кнула в грудь. Силы у меня тогда еще было много да и не ожидала она сопротивления, перепугалась. Повалилась, как жердь, на диван и глядит на меня, раскрыв рот, чуть не смерти ждет. Я не спеша надела платок и пошла к молотилке. Девчатам ни гу-гу.

Вскрек подбегает пан Владек и издали кричит:

- Кучеренко, до пани!

Подошла я к нему, а он, не оборачиваясь, быстро шепчет:

- Что ты наделала, сумасшедшая! И себя, и меня погубила. Разве ты не знаешь, что за избиение лица германской расы полагается расстрел.

Входим в комнату. Лежит моя фрау Хильда на диване в самом жалком состоянии: на лбу мокрое полотенце, в комнате одеколоном и уксусом пахнет. Пан Владек сразу же принял скорбное выражение и занял место у ее изголовья, а я так и осталась около двери. Вот она закатывает глаза и тихим торжественным голосом начинает:

- Владека я знаю с лучшей стороны не первый год. Сейчас же сознавайся, что ты оклеветала честного, скромного человека, чтобы восстановить против него хозяйку. Признаешься - прощу, а нет - сообщу о тебе властям.

И на лице ее прямо-таки написано, как ей хочется поверить самой, что мы ее любовника оговорили.

- Если вы будете меня бить и оскорблять, я вам больше ни слова не скажу, - ответила я. - А смерти я не боюсь, так что не страшайте.

- Как же тебя прикажешь величать? Баронессой или графиней? - спрашивает она хмуро.

- Ганной меня зовут. Вот так и называйте.

- Хорошо. Говорите, фройлян Ганна.

А сама уже чуть-чуть развеселилась. Он тоже покашливает угодливо в кулак.

- Так вот, - начала я медленно, подбирая каждое слово, - этот человек действительно не дает проходу нашим девушкам, а мне даже предлагал выйти за него после войны замуж. Вас он, фрау Хильда, не любит. Да и за что вас любить? Вы женщина пожилая, да еще и злая. Вот он и живет с вами ради своего брюха.

Конечно, в действительности это у меня не так гладко получилось, запаса нужных слов не хватило, но главное она поняла. Вижу, каждое мое слово ее как плеткой стегает. Вдруг закрыла она лицо руками, съежилась и забилась в рыданиях. И вот как глупо человек устроен: даже во мне где-то подобие жалости шевельнулось:

просто увидела в ней не привычную Цаплю, а жалкую женщину, которая хотела обмануть счастье. Первым пришел в себя пан Владек и зашипел мне: «Вон отсюда! Большевичка!», а сам перед ней бух на колени. Она оттолкнула его и кричит:

- Оба, оба убирайтесь! О, как я наказана за свою доброту! Негодяи! Вы все моей смерти ждете. Проклятое славянское племя!

Ну, тут от моей жалости только дымок пошел. Выбежала я, рванула кофточку на груди и как-то сразу успокоилась. О последствиях старалась не думать: семь бед - один ответ...

С этого самого денька слегла наша фрау по-настоящему: желчь у нее разлилась, что ли. Я сама не видела, а девчата передавали: лицом она стала как дыня-лимоновка. Пан Владек тоже порядком от страха осунулся. Подходит ко мне на другой день и говорит:

- Что же это со мной будет? Не дай бог, она загнется, меня же сразу на фронт угонят. Еще погибну из-за твоей дурасти.

Как только хозяйка почувствовала, что дело швах, вызвала она телеграммой из Рура своего братца. Он там каким-то начальником на металлургическом заводе работал. Вскоре приехал здоровенный белокурый господин средних лет в бриджах и френче.

Шляпа надвинута глубоко на лоб, в зубах трубка, глаза суженные, холодные, как у сестры. Звали его Эрих Шнекман.

Побыл он у постели больной, а вечером вышел с Владеком на веранду покурить. Тот перед ним голову на бочок, руки по швам и, кажется, только об одном жалеет: хвоста нет, вилять нечем. А Шнекман этот и не глядит на него.

Мы в это время как раз с поля возвращались.

- Эта? - показал он на меня глазами.

Пан Владек наклонил голову. До этого я как-то бесшабашно относилась к своей стычке с хозяйкой, а тут испугалась сама не пойму чего. Что-то зловещее почудилось мне в этом аккуратном господине. Девчата наши тоже почували недоброе, притихли.

Вот здесь со мной и случилось самое страшное... Может быть, пропустить про это?»

***

Анна взяла со стола стакан, наполнила его водой и медленно выпила. Налила снова, подумала и отодвинула.

- Не надо сегодня, доскажете в другой раз, - глухо проговорил Токарев. - Я догадываюсь...

- Да, пожалуй, на сегодня хватит. Сын скоро должен прийти. Встретимся завтра, - согласилась она.

Павлик вернулся вскоре после ухода Токарева.

- Тебе нездоровится? - обеспокоенно спросил он, вглядываясь в ее побледневшее лицо.

- Да, немного голова побаливает. Ничего серьезного, скоро пройдет. Обедай, а я немного отдохну перед сменой.

Она прошла в крохотную спальню и прилегла на кровать. Но разбуженная память не дала забыться во сне. В тот роковой вечер молчаливый дед сторож отвел ее, по приказу хозяйки, в дальнюю нежилую комнату особняка и запер за нею дверь.

Анна хмуро оглядела место своего заточения. На двух узких, вытянутых в высоту окнах замысловатым стальным узором переплелись решетки. За окнами в сумерках смутно просматривалась глухая часть сада: невысокие яблони, вишни, какие-то кусты. Громадный медный диск луны, сжеванный снизу, только-только поднялся над темными силуэтами деревьев. Дома она любила наблюдать в степи ее поздний восход, когда необъятная ширь вокруг приобретает отпечаток древней и дикой красоты. Но сейчас ее багряное сияние напоминало тревожный отблеск далекого пожара.

В тусклом грязновато-красном свете этого холодного зарева она разглядела в комнате кованый сундук, какие-то ящики, старую фисгармонию, темные картины и чучела птиц. Около противоположной стены стоял громадный старомодный диван с высокой резной спинкой. Вероятно, на нем отдыхал, покуривая свою трубочку, еще гротесктер фрау Хильды. Боковые качалки, обтянутые плотным штофом, и подушки засалились до блеска, пружины выпирали горбами, а на спинке висел гобелен: круглолицый пастушок в шляпе с перышком, скрестив толстые ножки и приложив к улыбающимся губам свирель, игриво поглядывал на пастушку, сидящую под деревом. Почувствовав, как ноги подламываются от усталости, она хотела было опуститься на диван, но брезгливость удержала ее, и она присела на холодный жесткий сундук. Зачем ее заперли здесь? Опасаются, как бы не сбежала этой ночью? Хорошо бы и в самом деле убежать. Но как пробиться на родину через столько преград? Что ее ждет завтра? Может быть, суд за покушение на жизнь хозяйки. От них всего можно ждать. Ах, все равно, это тоже не жизнь.

Закутавшись в платок и поеживаясь от озноба, Анна прислонилась к стене. Веки начали слипаться, и почти мгновенно в сновиде-

нии она перенеслась домой: увидела свою хату, сад, огород, обсаженный подсолнухами, а в нем родниковую криницу. Было солнечное утро, и она, зачерпнув пригоршнями холодной воды, плеснула себе в лицо, радуясь, как переливаются на солнце маленькими самоцветами прозрачные капли. И тотчас ей захотелось пробежаться по стежке сада, но едва она попыталась шевельнуться, как почувствовала себя прикованной к земле.

А в саду прохлада, пчелы и шмели гудят, горлинка на тополе воркует... Вокруг среди деревьев показался отец. Он стоял босой, с запыленными ступнями и, расстегнув заскорузлыми пальцами на груди полотняную рубаху, показывал ей запекшуюся рану против сердца. «Берегись, дочка...» - прохрипел он. «Тату!» - хотела крикнуть она, вздрогнула и проснулась. Высоко в пустом небе светил уже голубой шар ущербной луны, обрамленный большим тусклым сиянием.

Анну внезапно сковал леденящий страх неизвестности, тот страх, от которого просыпается в поту человек ночью. Она прислушалась: кто-то, осторожно ступая, шел по коридору. Вот он остановился у двери. И снова застыла ночная тишина. Все в том же состоянии необъяснимого ужаса она услышала крысиный писк ржавого замка и увидела, как открывается дверь. Чувствуя, как удары сердца и тошнота подступают к самому горлу, Анна вскочила на сундук, прижалась к стене. Вошедший быстро прикрыл дверь, повернул ключ и сделал шаг вперед. На него упала узорчатая тень решетки, и в мертвенно голубом лице с искривленной линией черных губ она узнала брата хозяйки.

Окончание следует.

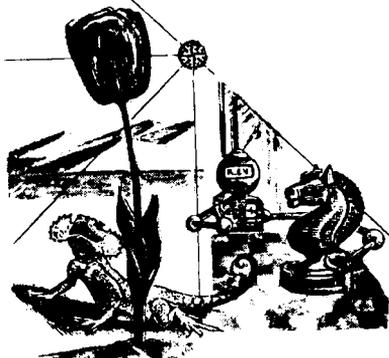

Римма
ДОЛОДАРЕНКО

КРЫМ

— «Мототриллер»
(Окончание. Начало в № 3-4)

«КАЖДЫЙ ВЫБИРАЕТ ПО СЕБЕ...»

Поехать к морю на поезде, на машине или полететь самолетом может каждый, были бы деньги. В прошлой жизни у нас это уже было. Но сегодня с деньгами напряженка, а машина старая и тихходная.

...А как было бы славно окунуться в синее море, смыть с себя пыль дальних дорог, поплавать с маской и уснуть под шум прибоя... К сожалению, мой муж - Жора - не любитель морских купаний, особенно в местах модных и многолюдных, да и сама я начинаю зевать от скуки на другой день такого отдыха.

А что, не слабо поехать к морю на мотоцикле? Да еще в горные края, где волны лижут подножье хребтов, омывают упавшие в него скалы. Скучно, наверное, не будет.

Надеюсь, что нам удастся найти тихие уголки, отмеченные печатью своеобразия. Мотоцикл поможет нам быть динамичными в этих поисках, с ним мы проедем там, где не пройдет никакая другая техника. Надеемся, нам не слабо проехать 5 тыс. км за 15 дней, отпущенных нам судьбой, тем более по хорошим дорогам.

Мы никогда не бывали в Крыму. Для нас это страна неизвестная, а от этого загадочная и заманчивая, словом, Киммерия: «...пустынный кряж земли, хребтов скалистых гребни, обрывы черные, потоки красных щебней...» В Крыму нехоженых троп сыскать трудно, но тем более хочется найти места незаплеванные.

О превратностях судьбы, плохих приметах, сложностях взаимопонимания, капризах мототехники, а также о встречах с ГАИ на пяти тысячах горячих километров

Мы наивно полагали, что 15 дней свободы от бытовых хлопот мы честно заработали тяжким трудом и добросовестным исполнением всех своих обязанностей. Но судьба-матушка, рэкетир наш недремлющий, думает иначе. Она, видимо, считает, что дань ей еще не заплачена сполна. В результате я - в отпуске, а Жору не пускают дела-заботы. Время идет, еще день-два и можно больше не беспокоиться, а купаться уже дома в Черемшане. Из последних сил сдерживая переполняющие меня эмоции, я чувствую как наживаю себе язву: вот уже и таблетки глотаю. Как же я буду в пути на двухразовом, нерегулярном и отнюдь не диетическом питании? Тихая паника охватывает меня...

Наконец судьбоносные дела мужа победно завершены: «Мир прогнулся под нас»... Наскоро собравшись, как всегда кое-что перезабыв (в том числе пять фотопленок в холодильнике) мы, несмотря на душающую жару, едем, едем, едем!

О существовании желудка я даже не вспомнила за эти 15 дней. При выезде из нашего городка, по стечению обстоятельств или по прихоти высших сил (кто во что верит), возле церкви св. Николая (кстати, покровителя всех странствующих) у нас отвязался примус, притороченный к передней дуге, и с неописуемым грохотом покатился, рассыпаясь на части по дороге. Брызнули в стороны мирно разгуливающие у дворов куры, испуганно вскрикнули, озираясь по сторонам, слепо-глухо-немые на паперти. Может быть, это какой-то знак? Собрав воедино все части примуса, а так же всю свою волю в кулак, мы жмем на газ, пренебрегая дурными приметами и отгоняя плохие мысли.

Мы едем на мотоцикле сына (на моем выработан ресурс колёвала, а поменять уже не было времени). Как и мой, он тоже «Тула», но к своему стыду, я никак не могу освоить «выход на нейтраль», чем вызываю справедливый гнев мужа. Кроме того, по неясной причине (то ли зажигание барахлит, то ли карбюратор, то ли лепесток обратного клапана потерял форму) двигатель «не тянет», не позволяет ехать со скоростью выше 60 км в час, что делает мое вождение еще более скверным. Когда я сажусь за руль, команды из-за спины сыплются без остановок, как из рога изобилия: «не газуй», «газу-газу», «давай третью», «тормози», «объезжай», «обгоняй», «тише-тише»... и т.д. и т.п. В середине второго дня я, измученная полуденной жарой, нако-

нец вспыхнула: «Хватит с меня, едем домой!» Жора, вспыхнув как порох, разворачивает мотоцикл и мы, злые, потерянно едем назад. Каждый из нас сожалеет о содеянном, но гордыня не позволяет первой сказать: «Я погорячилась». Но наш мотоцикл оказался умнее и дипломатичнее нас. Прокатившись метров сто-двести, лошадка встала, как вкопанная, словно упрямый ослик - бензин закончился. Совместные действия по заливке бензина охладили наши перегретые на солнце головы, мы разворачиваемся и я снова, стиснув зубы, сажусь за руль.

Но это будет позже, а пока минуем знакомые места. Жигулевские горы сегодня скрыты тяжелым, белым азотным смогом химзавода, а улицы Сызрани - неплохая тренировка перед Ай-Петринским серпантином. Дорога в Хвалынских горах - вообще достойна отдельного рассказа.

Да и дороги-то как таковой там нет - это сплошные плохо оцебененные объезды. Пыль от КамАЗов стоит столбом.

Первый рассвет встречаем в молодой дубовой роще с кустиками дикой вишни с красными спелыми ягодами. К утру жара чуть-чуть спала и мы спешим оседлать своего коня, полные радужных надежд. Трасса затягивает, как наркотик. Движение, скорость завораживают сами по себе, вне зависимости от окружающей действительности. Между тем - за обочиной дороги скоро Камышин. К полудню невыносимая жара выбеливает небо, воздух обжигает легкие, обдув как из печи. Горит степь. Редкие посадки на глазах превращаются в обгорелые струпья. Кажется, природа не дает здесь человеку шанса выжить. Стая саранчи, пылая алыми крыльями, залепляет ярко желтыми внутренностями наши очки и шлемы, разбиваясь об них влёт. Зрелище человеческих неудач сильно воздействует на психику и кажется, что этим безлюдным краям нет конца. Не верится, что многоводная Волга протекает именно по этим жутковатым просторам.

Вечер застает нас за Волгоградом, среди кустов желтой акации и «мичуринской смородины». Местные её собирают ведрами. Мы тоже поели досыта, не очень доверяя мнению о вредном свинце в придорожных насаждениях. На трассе ветер на просторах сдувает шлейф выбросов, которые, кстати, здесь минимальны, т.к. машины идут на скорости. В пригородах, где транспорт газует и тормозит, никто не говорит о ядовитой продукции окрестных садов-огородов. Все едят, причем ещё и деньги платят. Усыпив себя подобными, сомнительными доводами, мы решили поесть немного. Едим много и спим без сновидений. Волгоградские крутые горки совсем укатали нас и нашего коня.

Леса сменяются плодородной степью, но любоваться окрест-

ными красотоми могу только я, сидя за спиной мужа. Жора же, если я за рулем, утомляется, наверное, еще больше, без устали контролируя меня и дорогу. Мне очень хочется соответствовать, и иногда я удостаиваюсь за свое старание высочайшей похвалы: «Молодец, хорошо проехала сегодня.» Жора же бывает польщен, когда гаишники, остановив нас, говорят: «Ты смотри, откуда едут - и жену за руль посадил!» Мы самоуверенно думали, что ГАИ Ульяновской области самое строгое, но печальный опыт показал, что есть еще ростовское ГАИ. Даже разогнаться трудно, через 5-10 км остановка для проверки документов.

Кстати, в Крыму все ездят без шлемов, а о включенной днем фаре даже не слыхивали. Едет, бывало, навстречу нам бравый хлопец на «Иже», кепкой машет, на фару показывает, вы, мол, что днем с огнем. Гаишники тоже вежливо спрашивали: «Зачем вы днем свет включили, или у вас не в порядке что?» Мы смиренно ссылались на правила, но о необходимости включенной фары как-то забыли. И вот на обратном пути, после Ростова, знак жезлом, остановка: «Почему не горит свет? Будем оформлять протокол».

Еще одна трагикомическая встреча с ГАИ в Крыму. Знак жезлом, остановка. Трое сотрудников ГАИ с автоматами и в бронежилетах просят предъявить документы и снять шлемы. Очень долго и тщательно проверяют бумаги, изучают наши лица, на наш робкий вопрос, чем вызвано такое к нам внимание, отвечают, что ищут двоих в масках, на мото, занимающихся разбоем на крымских дорогах.

О пограничных проблемах, ошибках штурмана, красотах нехоженого Крыма, а так же о том, как нас обокрали. И неоднократно

Проходит третий день. По нашим планам и расчетам мы уже должны быть в Геническе, но в действительности мы только подъезжаем к Ростову, минуя украшенные многочисленными речками донские степи. Время для стирки нашли только ночью, стирка с фонариком - это, конечно, экзотика, но зато при жаре, не спадающей даже ночью; утром мы сухие и чистые. Хотя мы - «жаворонки», после трудовой ночи встаем поздно. Сон и еда - святое. Пути назад у нас уже нет. Маховик движения развил большие обороты, инерция слишком велика, дорога стала нашей жизнью и мы, несмотря ни на что, продолжаем свой утомительный дальнбой. Никак нельзя забыть преодоление границы. Длинная очередь автомобилей, ожидающих по 4-6 часов, не для нас. Двухколесные без очереди. Но радость оказалась преждевременной.

Мой паспорт недействительный: нет очередной фотографии по возрасту. Извольте возвращаться. Проехать нельзя. Мы, в сильном огорчении, путём не особенно хитроумных переговоров, все-таки получили таможенную декларацию, и, ура! - мы в другой стране. Создалось впечатление чего-то искусственного, бессмысленного и неразумного, но связанного с властью, с необходимостью и неизбежностью подчинения. После получасовой борьбы с «контактной парой» (она оказалась самым уязвимым местом нашего мотоцикла) ночуем в зарослях одного из видов акации, красивого дерева с висящими гроздьями бордовыми стручками, длиной около двадцати сантиметров и с устрашающими многочисленными шипами пятисантиметровой длины, очень прочными и острыми. Если терновый венец существовал, то это дерево годится для таких садистских целей. Утром проснулись, а рядом река Малый Утлюг: летают цапли, утки и выпы. Слышно занудное гудение доильных аппаратов - где-то рядом ферма. В Геническе были поутру. Это небольшой курортный городок, население, как и везде в Крыму, бедное, основной транспорт местных - старый велосипед. Но посмотрите с каким шармом, на скорости, катит пятнадцатилетний сорванец, а сзади, на багажнике стоит! девчонка в короткой юбчонке, держась за плечи кавалера и весело поглядывает по сторонам. Хороши! А какой в Геническе рыбный базар! Все, что душе угодно: от бычка до осетрины. Правда, нам нужна контактная пара, а ее нигде нет. Ну, авось, ничего.

Нам на Арабатскую стрелку. Именно здесь за мою первую штурманскую ошибку мы поплатились ещё частью драгоценного времени, но что жалеть об этом, ведь, как известно, красота требует жертв и не имеет цены. Почему у меня создалось мнение, что дорога по Арабатской стрелке - это асфальт? Не торопясь, мы посмотрели, как люди ловят бычков, поинтересовались местной флорой - в основном это колючки всякие и, не предчувствуя плохое, поехали. После пяти километров асфальта беззаботно свернули на щебёнку, думая, что это объезд. Но остальные 120 километров арабатской стрелки - это проселок, и какой! Дорога из ракушечника и песка заезжена так, что образовался своеобразный стэнд в виде стиральной доски: через каждые 10-15 сантиметров пути - гребень до пяти сантиметров высотой. Боже праведный! Утешало только то, что ещё тише, чем мы, осторожно и боязливо ползли, как тяжелые черепахи, иномарки, в облаках белой, удушливой пыли. Им наверное ещё хуже, чем нам.

Жора то и дело жалобно причитал, снижая и снижая скорость: «Мы же развалимся на части, у нас же вся сварка полетит или у

нас же колеса отвалятся» и т.д. и т.п. Так, со скоростью от 10 до 20 км в час, мы и проехали километров сорок. Вокруг глядели пустыми глазницами окон какие-то недостроенные в советское время дома отдыха - печальные памятники прошедшей эпохи. Только запах степи: сладкий - донника, горький - полыни, а так же чабреца и каких-то незнакомых нам трав, всё усиливался, одновременно радовал нас и навевал легкую грусть.

По мере исчезновения признаков человеческого присутствия дорога становилась лучше, мы приноровились находить объезды и как-то смирились с действительностью, которая сильнее нас. Наконец все постройки позади. Вокруг поля желтых мальв и бесконечно приятно пахнущие травы. Мальвы, с их мощными стволами, растут слишком близко от дороги, порой склоняясь над ней, их стебли колотят мотоциклиста по рукам и лицу. Жора застегнул рукава, надел перчатки - можно ехать дальше, только глаза береги. Мелкие птички, в основном кулички, сидят в многочисленных заливах Сиваша и то и дело перелетают перед нами, на расстоянии вытянутой руки, с пронзительными криками. Множество удонов своим пестрым оперением и своеобразным полётом напоминают бабочек. Все это под аккомпанемент хора цикад, такого громкого, что даже работающий двигатель порой не может его заглушить. Это звонкое стрекотание будет повсюду сопровождать нас в Крыму, особенно усиливаясь по вечерам, когда все звуки затухают.

Ветер дует с Азова, но иногда тяжелый запах гниющего Сиваша перебивает горьковато-сладкие запахи степи. Степная дорога тонет в неоглядной дали. Слева Азов, справа Сиваш. Кажется, мы тут одни. Но нет, хоть и редко, но попадают такие же чудики, как мы. Обогнали трех велотуристов из Днепропетровска. Ребята жалуются на дорогу. Говорят, что у них от такой тряски уже рассудок мутится. От них узнали, что до выезда со Стрелки, т.е. до Каменского, ещё 50 км. Начинают встречаться признаки близкого жилья: брошенная без присмотра сельскохозяйственная техника; покосы, коровы, пасущиеся сами по себе. Стоит остановиться, и зной опалает. Оставив мотоцикл на спяще-белом пляже из ракушек, мы отдыхаем и купаемся в теплом Азовском море ярчайшего аквамаринового цвета с белоснежными барашками волн. Хорошая глубина, довольно большая волна, поэтому далеко не заплываем. После Каменского считаем разумным доехать до полуострова Казантип по асфальту около 80 км, чем пойти по ближней степной дороге километров двадцать. Так и сделали. Где вдоль канала, где по степи. По пути купили помидоров и абрикосов. Вот и Мысовое - тихое курортное местечко. Минуем грандиозные законсервированные постройки Крымской АЭС.

Стараемся не заметить вылинявший плакатик малого размера: «Заповедник Казантип. Вход и въезд запрещены». Казантип - чаша, образованная превращенными в камень останками ископаемой мшанки.

Проезжая внутри коралловой чаши, видим, что здесь качают нефть. Поднимаемся на край чаши, на гребень, обвалившийся глыбами в море, и находим тихую бухту, где можно спуститься к самой воде. Я знаю, что в некоторых бухточках можно найти ключевую воду, но мы слишком устали для таких поисков, да и воды у нас есть еще на сутки. Лучше повалеемся на берегу, искупаемся и отдохнём. Купание превращается в акробатический номер, т.к. рельеф сложный, камни острые и скользкие, а волна большая. О плавании с маской не может быть и речи.

В час между волком и собакой, в сумерки, к нам, тихо сидевшим на берегу и глядящим на пенный прибой (штормило), вышла из-за камней маленькая ушастая лисичка с потрёпанным хвостом. Она остановилась метрах в десяти, с настороженным любопытством глядя на нас. Мы замерли, растроганные доверчивостью зверька... А зря. Утром Жора скажет: «Эх, сразу бы её погонять!..» Тихо лежим на спальных, море флюоресцирует каждой волной, Млечный путь как звёздная дорога, звёзды близкие и большие, вокруг ни души. Наконец мы задремали... Вдруг грохот катящегося по камням котелка будит и пугает нас. Это наша знакомая пришла доесть остатки супа с тушенкой. О, она оказывается нечиста на лапу и на зуб! Все съестные припасы - на мотоцикл в сумку и себе в изголовье. Но неугомонная бестия, бесстрашная воровка то и дело будила нас своими набегами. Мало того, что ей всё-таки удалось стащить наш хлеб, но она ещё и позарилась на мои сланцы! Утащила чуть ли не у меня с ноги один и была поймана с поличным, когда пришла за другим. Прогнали плутовку камнями, и она больше не возвращалась. Утром, обшарив окрестности, сланца так и не нашли. Второй оставили возле камней: «Пусть пользуется, может её замуж без обуви не берут». Но я отныне вынуждена на привалах ходить босиком или в тяжёлых ботинках.

Утром погуляли по окрестностям, Жора нашёл три больших грота, где можно было бы укрыться в случае дождя. Так уж получилось, что наша бухта самая удобная, а днём в ней любят посидеть на высоких камнях бакланы - отдыхают, сушат крылья после рыбалки. Всё тот же запах степи, но смешанный с йодистым дыханием моря, водорослей, окружают вас.

О капризах фототехники, травме, которая привела к вмешательству хирурга, о прелестях феодосийского шоссе и горных тропах, а так же о том, как не просто починить в Крыму примус

Дополнительные хлопоты доставляет фотоаппарат. Жора подозревает, что с ним что-то не так, поэтому надо срочно проявить заснятое и определить, можно ли снимать дальше. Решаем заехать в Феодосию. Худшие опасения подтвердились: порвана перфорация, пленка пропала, но, слава богу, снимать дальше этим фотоаппаратом можно. Правда, поиски фотосалона, где можно проявить плёнку за час, заняли много времени, но этот салон оказался около музея Айвазовского. Решаем, что это судьба, бросаем жребий и я, счастливая, иду, зажимая в кулаке заветные гривны. Но, увы... До закрытия осталось полчаса и мои мольбы, что я найду хотя бы в один зал, остаются без ответа.

Гуляя по набережной, в ожидании проявленной плёнки, среди рекламы, торговых рядов, окунувшись в суетливую скуку отдыхающих (мужчины все поголовно подшофе) я порадовалась, что мы не снимаем где-либо угол, а едем, куда глаза глядят. А глаза глядели на Карадаг, возникший вдруг громадой за очередным поворотом феодосийского шоссе. Честно говоря, когда я читала у Волошина «...и на скале изваян профиль мой...», я была полностью уверена, что это поэтическое преувеличение, плод воспаленного воображения поэта, хотя возможно, скала в Коктебеле и правда смутно напоминает лобастый и бородатый волошинский профиль. Но проезжая в тех местах, я была сражена идеальным сходством.

Где-то в этих местах кик-стартер сорвался и Жора получил удар по голени, он поморщился, а на пляже в Весёлом я с содроганием смотрела на его ногу, изуродованную опухолью величиной с кулак. После, уже дома, пришлось-таки оперировать - удалять гематому, грозящую нагноением. Тем не менее, казалось нога не доставляет ему хлопот: он прыгал по скалам резвее меня. Точно я уже никогда не узнаю, но думаю, что не отсутствие боли, а презрение к ней помогали ему в эти дни. У моря, возле посёлка Весёлый, немного отдыхающих: 20-25 палаток. Но после уединения на Казантипе лицо у Жоры кислое. Он, наверное, думал, что на южном берегу Крыма можно везде находить такие места. Нет, дорогой, но здесь тоже хорошо. Мы познакомились с обитателем соседней палатки, он назвался Серёжей. Он - пенсионер, отдыхает здесь каждый год уже 30 лет. Нынче с женой, дочерью и внучками. Серёжа ловит барабульку и крабов, загорает и купа-

ется. Он, конечно, присмотрит за нашими вещами и техникой, пока мы осматриваем близлежащую местность, сходим в Новый Свет по тропе. Здесь, в Веселом, мы обнаружили, что у нашего примуса развалился насос. Мы поели, чем бог послал, а послал он нам консервы с хлебом да воду, и не особенно опечалились: завтра починим в любой придорожной мастерской. Но в Крыму часто не бывает света (а не только воды), и мы запаяли примус только через три дня. Вообще примус достоин громкой хвалебной песни. Раньше мы обходились костром, а примус купили перед этой поездкой. Благодаря примусу у нас нет больше заботы о дровах - готовь хоть в чистом поле. Кроме того, и это очень важно, костёр - главный демаскирующий фактор и мы избавились от многих проблем, связанных с обеспечением безопасности ночевки. И еще: в Крыму съехал с дороги - считай, что ты в заповеднике. Ну как тут костер палить? Наши нежные чувства к примусу не знают границ. В такую жару, как нынче в Крыму, даже от одной мысли о костре бросало в жар. Впрочем, готовили мы утром и вечером, а на обед - коронное блюдо: арбуз с хлебом. Режем пополам и - ложкой. Вкусно и пить долго не хочется. От дармовых абрикосов на симферопольских дорогах мы тоже не отказывались. Покупали персики и груши. Лучше покупать вечером - много дешевле.

С утра пораньше, по пустому ещё пляжу, вверх по горной тропе идём в Новый Свет. Кругом причудливые скалы, обрывы и сбросы. Сложные, как на японских миниатюрах, изгибы стволов сосны Станкевича, кусты древовидного можжевельника. Наша тропа после подъема плавно спускается к Зеленой, Голубой и Синей бухтам. Каждый поворот тропы открывает перед нами новые, но неизменно прекрасные картины.

Побродили по поселку Новый Свет. Купили две пластиковые бутылки местного, но не заводского, вина и той же дорогой - в Веселое. Жара, терпкий запах плавящейся на солнце сосновой смолы... Вдруг по тропе потянуло холодом. Оказывается здесь, недалеко, узкий вход в пещеру, но лезть туда как-то страшновато - нет, мы не спелеологи, а лишь робкие, в меру любопытные обыватели. Постояли возле входа, отдохнули от жары - там, в этой норе, явно минусовые температуры, и бодро пошли к нашему лагерю. Хочется ещё поплавать с маской.

Раньше я смотрела на подводный мир с береговых камней. Оказывается, когда в маске - это совсем другое. Среди водорослей различных цветов и оттенков плавают маленькие, а иногда и большие, рыбки. Плавать с маской - все равно, что попасть на Луну - это другой мир, лучше сказать - другая реальность.

Однако вода холодная (последствия шторма) и, хотя хочется покупаться ещё, пора в путь.

О привидениях, каменных грибах, мстительных богах, а так же о том, как эти потусторонние силы действуют на казавшуюся здоровой психику

Наскоро собравшись, мы спешим добраться до подножья горы Восточная Демерджи, чтобы ночевать среди причудливых от выветривания фигур, в так называемой «Долине привидений». Однако мы слишком засиделись в Весёлом и чувствуем, что привидениям Восточной Демерджи сегодня не дожждаться нас.

Пересекая реку Сотеру, я вспомнила, что где-то здесь «растут каменные грибы». К ним-то и метнулись вверх по течению Сотеры, по просёлочной дороге, разбрызгивая пересекающие ее ручейки - притоки Сотеры. Доехали до каких-то дач, народа почти нет - будний день. Хотя людям, гнущим спину на своих сотках, возможно были чужды и чудны вопросы беспечных бездельников о том, что где-то здесь «произрастают каменные грибы», вида никто не подал, а очень серьёзно и подробно объясняли, как туда добраться, где заночевать, предлагали оставить мотоцикл и вещи на даче, описывали и хвалили свои родные места. Спасибо Вам! Надо сказать, что кроме кассирши в музее Айвазовского никто не отнесся к нам недоброжелательно. При всей своей занятости люди помогали нам, предлагали набрать воды, объясняли дорогу, с удовольствием беседовали. Когда у нас кончилось моторное масло, а на заправке его не оказалось, два Лёши на «Яве» свозили нас к себе домой, налили масла, напоили холодной водой. Мужчины долго разговаривали о технике.

В долине реки Сотеры мы ночевали недалеко от дач, возле искусственного озера, где дачники ловили жёлтых карасей. Из подсохших уже веток плодовых деревьев решили развести костер. Жора долго пытался его разжечь, но даже плеснув местного бензина, это удалось с трудом. Только поднеся спичку к луже бензина он заставил-таки это топливо гореть ленивым синеватым пламенем. Говорили, что в Крыму плохой бензин, но чтоб настолько! Вода в рукотворное озеро, возле которого мы расположились, подается с верхнего течения реки самотеком по трубе. Она с шумом водопада обрушивается в озеро. Кстати, на следующий день мы долго искали точку съёмки, чтобы трубы не было видно, т.к. она проложена возле искомым «грибов». Тут есть комарки, но немного. Утром, оставив все вещи на одной из гостеприимных дач, мы пошли «по грибы». Удачно. Шляпки грибов - прочные плиты конгломератов, они практически не разрушались а ножки сло-

жены плотной землистой массой с включением камней, они легко размывались тальми водами. И вот перед нами чудо природы - каменные грибы.

Трезво поразмыслив, мы решаем отказаться от восхождения на Восточную Демерджи. Как ни жаль, но нельзя объять необъятное. Поедем на Чатырдаг. Хочется попасть на одну из высочайших яйл Крыма, состоящую из верхнего и нижнего плато. На верхнем возвышаются вершины Эклизи Бурун и Ангар Бурун, здесь же есть проход в долину Демерджи - Ангарский перевал. Вряд ли мы поднимемся на одну из этих вершинок, нас интересует Чатырдаг как царство карста.

Дорога к нашей новой цели проходит через посёлок Лучистое, у подножья горы Восточная Демерджи. Под пристальными, гипнотизирующими взглядами идолов Демерджи мы не устояли. Соблазн был велик, мы хотели их видеть поближе. Они были прекрасны, таинственны и величавы даже в яркий полдень! Они были грандиозны. Мы свернули с трассы и по улице Горной поползли вверх, к нашим красавцам и красавицам. Я, конечно, пешком.

Вот и хаос обвала 1966 года. Огромные глыбы с трехэтажным дом катились по склону, сотрясая окрестности и поднимая облака пыли, пока не нашли покой здесь, у подножия горы. Далее весь западный склон усеян причудливыми фигурами, столбами, дивами, идолами, страшилками Долины привидений - называй как хочешь. Как Жора навек влюбился в Казантип, так и мне долго будут сниться и не отпускать видения этой яркой, заманчивой и неповторимой горы, на склоне которой где-то звенит колокольчик пасущейся, невидимой коровы. Прощай, гора! Нельзя не жалеть, что мы хотя бы сутки не провели здесь, но вдруг (чем черт не шутит!) мы вернемся сюда...

До вечера мы благополучно добираемся до дороги, ведущей на Чатырдаг. Порывшись в кучах отвалов возле карьера мраморовидного известняка, едем, ошебенённой этим минералом дорогой. Въезд на плато платный, но плата небольшая, вполне нам по силам. Эта дорога проложена военными для своих нужд, далее она переходит в дорогу из плит и заканчивается местом, которое мы назвали «полигон» (огорожено и проезд запрещён). Конечно, «полигон» давно заброшен, спасибо воякам, мы почти доехали до подъёма на верхнее плато. Посмотрели вперёд и решили ещё проехать по травянистому плато, хотя бы до ближайших кустов, чтобы спрятать коня. Резво катимся среди высоких цветущих трав, вдруг ба-бах!

Мы на боку - это коварный карст проявляет себя. Кажется катиться по ровному полю, но нет, в траве притаился изъеденный дождями известняк (карст) - камни острые и опасные для картера и

даже для колёс. Но разум отказал нам в этот вечер и не раз. Сбросив часть груза, а именно: меня и сумку, Жора поехал дальше, снова по травам, объезжая скопления закарстованных камней, а затем по заманивому на вид, но такому обманчивому стланику. Ещё 200 метров - и он снова валится на камни в траву. Всё, хватит! Мы же не на «эндуро»!

Осматриваем картер двигателя. Благодаря дугам, или такая уж его судьба, но картер цел. Почти несём мотоцикл на себе до ближайшей карстовой воронки диаметром около 60 метров, заросшей буком. Без чувств падаем в траву. А кругом среди стланика из туи, ели и ещё чего-то очень хвойного, растёт клубника. Ее море, она как раз поспела, красная и крупная. Ох и наелись же мы спелой ягоды! Недалеко от нашей стоянки обнаружили покос - наверно косили лесники. Отдохнули часок - время пять вечера. Думаем, что можно сходить на верхнее плато, за час до темноты сумеем вернуться и даже поесть засветло. Я ещё немного сомневалась, найдём ли мы нашу воронку, но Жора сказал: «Где тут блудить? Вот покос, вот «полигон», вон гора, пошли!»

Старые следопыты не блудят в таких пустыковых местах. Тащить с собой воду и компас? Нет, стыдно было бы так не доверять себе. Сказать, что дорога была лёгкой, нельзя, но карст во всей красе открылся перед нами, слегка поросший стлаником, чабрецом и всякими цветиками. На верхнем плато, в районе ангарского перевала, встретили ребят в шортах, покорителей Ангар Буруна. Ну а нам пора ужинать. С горы хорошо видно всё: покос, «полигон», нашу воронку. Скоро попьём чаю, поедим... Но Чатырдаг решил пошутить с нами, показать, что он не какая-нибудь горка, с которой можно пренебрежительно обходиться и терять благоразумие. Мы понемногу, незаметно забираем влево и уходим к краю яйлы. Вокруг нас такие же, как наша, карстовые воронки, с такими же букowymi деревьями, но ни покоса, ни «полигона» нет и в помине. Мы заблудились на плато размером 5 на 10 километров.

В горле уже пересохло, а солнце - к закату... Тут я не к месту вспомнила (но благоразумно промолчала об этом), что на Чагырдаге можно сутками ходить, не встретив воды, а по утрам часто бывают тустые, холодные туманы. Мы, стараясь сохранить самообладание, поели ягод в стали выходить на высокое место, чтоб как-то определить свой местоположение. Нам это удалось не сразу, но вот наконец найден «полигон», потом покос и, наконец, в сумерках, второй раз за этот день, мы опять без чувств падаем в ту же траву, возле нашего двухколёсного друга.

Со всеми мыслимыми предосторожностями (сухо, страшно сухо кругом!), развели костер - примус так и не починили. Как

красиво он пылает среди камней! Кстати, и погреться хочется. Озноб охватывает от пережитого, или это гора дышит на нас холодом? Боги Чатырдага оказались мстительны, но отходчивы. Ночь. Откуда здесь комары? В такой суши?

Звездное небо даранный подъём. По дороге обратно мы - первые посетители карстовой пещеры Эмине Баир Хасар. Охладились немного (здесь +4°C), полюбовались сталактитами, сталагмитами, гротами, эффектным колодцем старого входа, каменным органом, который сегодня молчит. Покидая Чатырдаг, на спуске, уступая дорогу встречной машине, на малой скорости, упали на щебёнку, слегка ободрали ладони рук.

За всю поездку только на Чатырдаге нам пришлось падать, больше - нигде. За рулём, несмотря на жару (на ходу её, впрочем, почти не чувствуешь), наш обычный прикид - брюки и рубашки. На Чатырдаге это защитило нас при падениях, в других местах - давало чувство уверенности, возможно ложное.

О симферопольской рекламе, второй штурманской ошибке и необходимости сокращения маршрута, а также о контрастах Большого Крымского Каньона

По выезде на симферопольское шоссе мы наконец прокатились с ветерком, говорят, здесь любил ездить Брежнев на максимальной скорости. В своё время он был классный водитель. Наша машина, наверное с перепугу, на Чатырдаге, вдруг не с того, ни с сего одумалась и с этого времени грех жаловаться на «отсутствие тяги». Мы поняли наконец прелесть езды с шестнадцатизубой звёздочкой, без неё скорость около 90 км в час развить на нашем мотоцикле нельзя.

Ещё симферопольское шоссе (между Симферополем и Алуштой) поразило нас своей рекламой. Такого мы еще не встречали и вряд ли встретим. Ну куда ни шло: «Кильки в томате - годятся для закуски», но чтобы на рекламе водки было написано: «Заправься и жми на газ!», мне это понять не дано, без бутылки по крайней мере. Минуем Симферополь и в окрестностях Бахчисарая наконец починаем примус. Как не испугаться в самой многоводной реке Крыма - Альме? Кое где даже можно погрузиться по пояс! Пулей пролетаем Бельбекские ворота - величественный разрыв внутренней гряды - и начинаем подъём на Ай-Петри. Дорога проходит в чисто буковых лесах. Здесь сумрачно и прохладно. После яркого солнца даже приходится напрягать зрение на поворотах, зато как легко дышится после удушливой степной жары. Приятно ехать по этой красивой дороге с множеством сер-

пантинов. До выхода на яйлу мы насчитали 21 поворот на сто семьдесят градусов, не считая других, менее крутых. Мы предполагали ночевать где-то в Большом Каньоне, но мое ошибочное мнение, что вход в каньон находится на яйле, отняло у нас эту возможность. Заехав на перевал, я поняла свою ошибку, но время не позволяло её исправить.

Постояли на смотровой площадке Шишко, посмотрели сверху на Ялту. Решаем предпочесть посещение Большого Каньона спуску в район Ялты. Ещё раньше, из-за задержек в пути, мы отказались от таких желанных маршрутов как проезд к массиву Большой Атлеш (рай для аквалангистов) через Севастополь и от поезда через Старый Крым к горе Ак-Кая. Увы и ах!

Зубцы самой высокой точки яйлы Ай-Петри находятся на территории военной базы. Они очень привлекательны, но нам не хочется быть подстреленными, и мы смирились с невозможностью подъехать к ним. После арбузов, овощей и фруктов хочется чего-то солёненького. Купили картошки и полкило кильки. Ночёвка в песочке возле обсерватории запомнилась именно кильковым пиром.

Утром, выехав на трассу, чувствуем по малому накату, что надо бы подкачать колёса. Но наш насос барахлит и при попытке подкачать им колеса, еще больше теряем давление. В шесть утра через перевалникто не ездит, и мы сумрачно поглядываем по сторонам. Вдруг вижу чудо: «Москвич», нагруженный огромной копной сена, с маленьким окошечком-туннелем для водителя. Нам одолжили насос и мы с туго накаченными колесами быстро катимся вниз, притормаживая на поворотах.

Нам крупно повезло, что мы попали на тропу в Большой Каньон рано утром. Мы были совсем одни. Тропа после крутого подъёма идёт по руслу реки Аузун Узень, перебегая с берега на берег. Речка, то течёт с камня на камень, то крутит в эварзионных ваннах, образующих в белом известняке красивые купальни. Одна из них, в конце маршрута, названа «Ванной молодости». Она выбита потоком на глубину около трёх метров и вода в ней особенно холодная и прозрачная, т.к. чуть выше бьет мощный, заросший мхом источник ключевой воды.

Своим величием (370 куб. м. в сек.) и чистотой извергаемого из скалы потока поражает другой источник - родник «Пания». Прозрачная голубовато-зелёная вода, говор ручья, красота окружающих скал и... довольно много мусора. То бутылка валяется, то обертка от конфет. Впрочем, когда на обратном пути мы увидели полчища жаждающих сохранить и вернуть молодость, мы уже удивлялись другому. Для такого количества проходящего здесь

люда мусора слишком мало. «Ванна молодости» кипела визжащими от холода (9°C) и восторга людьми. Группа альпинистов на близлежащих скалах разучивала элементы скалолазания. Но для всех этих людей (т.н. плановых туристов) тропа дальше «Ванны молодости» не идёт. Чему мы эгоистично порадовались. Ведь сам Большой Каньон, его самое узкое место (теснина, туннель) проходит именно здесь, по руслу высохшей речки. Поток остается сзади. Наступает тишина, особенно поражающая слух после двух часов в обществе говорливой Аузун Узени. В наиболее узком месте две вертикальные стены каньона трёхсотметровой высоты сходятся так, что их можно соединить руками. Когда маленькая птичка сбивает на высоте мелкие камушки и они летят по отвесным скалам к нашим ногам, испытываешь пренеприятное чувство каменного мешка. Здесь мало людей. Только небольшие группы настоящих туристов с рюкзаками (хотя нам не встретился никто). Эти люди обычно не оставляют мусора. Всегда испытываешь благодарность к ним за то, что, несмотря на усталость и тяжёлый груз, они не бросают бутылки и бумагу, их как будто и не было здесь.

Кстати, вход в каньон платный и стоянка транспорта тоже. Но всё в пределах разумного: по одной гривне за вход и две за четырёхчасовую стоянку. У нас сегодня день потерь: я потеряла очки-хамелеоны, а Жора - куртку. Что поделаешь, пусть это будут наши последние в жизни потери.

О чонгарской ухе, резвости нашего коня, о том, как мы чуть не потеряли колесо, а так же о женских капризах и мужской дипломатии

На выходе из каньона можно подвести итоги. В запасе у нас четыре дня. Пора домой. Если все пойдет как надо, перед дальнебоем можно отдохнуть денёк на Азове (именно эта мысль, гвоздём засевшая у меня в голове, будет осложнять Жоре жизнь в следующие два дня).

Поели до отвала абрикосов, затарились персиками и вперёд, вернее назад, к дому. Машина бежит на радость нам резво, не нарадуемся на её ход. Вечер застаёт нас на Чонгарском проливе. Народ «чалит» бычка. С двух сторон моста мужчины, мальчишки и даже одна девочка - все с леской зажатой в руке. Жора тоже приобщился к этому спортивному и добычливому занятию. Нашёл брошенных червей штук десять, и вот рыбка за рыбкой и у нас уже уха. Разговорились с местными рыбаками. Как и везде в Крыму люди жалуются на тяжелую, нищую и унижительную жизнь, но не теряют оптимизма и щедрости характера. Соседи пришли занять у нас лаврушки, а в ответ принесли зелени, огур-

цов, помидоров, перца и даже хлеба. Кстати хлеб у нас несколько раз пропадал (особенно белый). Вся булка замокает внутри, запах - сладковато-отвратительный, остается только выбросить. Говорят - это какой-то грибок.

Уха из бычка превзошла все наши ожидания. Пожалуй, только пескарь так нежен на вкус. Купаться в «гнилом море» мы как то поостереглись и, возможно, зря. На другой день, измотанные жарой, при отсутствии речек и воды, мы стирались и мылись в каком-то уж точно менее достойном болоте.

Хотя загрузка мотоцикла всё та же, он после Чатырдага вдруг приобрёл второе дыхание и радуется своим ходовыми качествами. Но счастье изменчиво, и на одном из поворотов в городе металлургов - Мариуполе, без предварительных предупреждений скрежет, биение и занос заднего колеса. Плавное торможение у небольшого домика на окраине города. Страсти господни! Перед моими выпученными от ужаса глазами предстает, после удаления канистры и баула, страшная картина полного разгрома: вдвоенный обод колеса изогнут волнами, в месте крепления его к ступице нет многих гаек и двух нестандартных болтов, места крепления разбиты эллиптически и металл порван наружу и внутрь. Жора долго не думает: «Выход один - менять колёса местами!»

Чтобы не видеть этого кошмара (помочь всё равно ничем не могу), я пошла вдоль обочины искать крепёж, свой и чужой. Пройдя километра четыре в том и другом направлениях, я успокоила нервы и нашла две горсти более-менее подходящего на мой взгляд крепежа, в том числе две свои гайки. Жора, обливаясь потом, уже снял оба колеса. Руки по локоть в смазке, пот заливает глаза, капает с носа. Солнце жарит - и ни ветерка. Я заметила, что такие вещи обычно случаются на солнцепёке, хорошо ещё не в чистом поле, хотя сегодня всё равно воскресенье и мастерские закрыты, так что надеяться надо лишь на свои силы. Я могу только повязать Жоре голову мокрой тряпкой, дать воды и покормить с руки сахаром. Со двора, возле которого мы остановились, вышел пожилой человек и назвался дядей Стёпой. Он принял деятельное участие в нашем ремонте, принес холодной воды (мы её выпили, наверное, ведро), дал кирпич для рихтовки, помог с крепежом. Вышел сын дяди Стёпы (парень лет двадцати) и, посмотрев на колесо, сказал огорченно: «У вас гвоздь в покрывке». Вынули гвоздь и воздух с шумом покинул камеру.

Кто бортовал колесо «Тулы» в полевых условиях, тот поймёт и пожалеет Жору. Наконец всё готово. Наши знакомые сочувственно смотрят на нас. Они не верят, что мы уедем далеко после такой поломки. Дядя Стёпа уходит на работу - он машинист теплового вагона. Кроме него в семье никто не имеет работы. Прощаемся,

жена дяди Стёпы крестит нас. Вперёд, к границе, ведь у нас вышли все гривны, а менять негде, да и не считаем нужным. Уже по темну пересекаем границу. Пограничники, не увидев фотографии по возрасту в моем паспорте, дежурно говорят: « Ваш паспорт недействительный, надо проехать в Киев в посольство». Я изображаю смирение и покорность судьбе и довольные произведённым эффектом, пограничники милостиво пропускают нас. Мне хочется проехать к морю и нечевать на берегу, но поисков безуспешно темной ночью дорожку к морю, мы ночуем в первой попавшейся посадке. Жора после установки палатки уснул мгновенно, а я устраиваюсь с удобствами, подсвечивая себе фонариком. Луч фонаря падает на измождённое, обросшее двухнедельной щетиной лицо близкого человека, посеревшее от усталости и пыли. Запавшие глаза, скорбная складка губ. Я ни на минуту не забывала, что главная движущая сила нашего предприятия именно он: человек мужественный, но осмотрительный, хотя и экспансивный, но не позволяющий эмоциям главенствовать над здравым смыслом. Порой ему приходится платить за двоих, как сегодня.

Трудности дороги успели подзабыть, да и мотор работает по-другому. Если Жора за рулем, редко в какую горку не залетаем на четвёртой. Страх потерять колеса гонит нас вперед. «Пуганая ворона и куста боится». Часто останавливаемся, проверяем колёса. На скорости около 90 они не должны отлететь. Пунктик с остановкой на Азове не дает мне покоя. В то время как Жора, измотанный жарой, стремится отдохнуть в тени, а боязнь откоза изувеченного колеса гонит его домой, я с настойчивостью носорога страстно желаю и настаиваю на подъезде к Азову. В конце концов, в районе Таганрога мы все-таки подъезжаем к заливу. Зрелище мелководного солёного болота не располагает к купанию, и я не солоно хлебавши, согласилась, что и правда, пожалуй, пора домой. Для Жоры, впоследствии, моя настойчивость будет самым неприятным воспоминанием нашего путешествия.

Ночевка в саратовских степях, на хорошем, высоком месте, в посадках дуба и карагача, вернула нам уверенность в своих силах и в надёжности нашей техники. Сидя на высоком холме, видим как замирает на ночь дорога, всё меньше движущихся по ней огоньков. Завтра - «последний бой, он трудный самый». Целый день в седле. Только в обед на одной из речек попили молока, да съели по куску колбасы с хлебом. И опять погнались. Ближе к вечеру чувствуем, что еще около двух часов до дома придется ехать по темну. Решаем, что грех везти домой целых две бутылки вина. Надо остановиться и выпить одну с шашлыком. Шашлык купили возле Тольятти, нам его завернули, а мы нашли симпатичное место среди сосен и красной бузины и уже в потемках, слегка покусываемые родными, огромными комарами (на юге они мелкие, а на Чонгаре этой вредной мелочи были полчища), с удовольствием съели

первоклассный шашлык и запили его вином - вкусней не пили! Спаслось легко и спокойно. Утром впервые почувствовали прохладу. Хотя у нас тоже стоит сильная жара - засуха. Жора даже подумал, не разжечь ли нам костерок?

***

Вот и окончилось всё. Повседневные дела и заботы захлестнули нас с первого дня. Что делать, «так полагается жить человеку и потому мне иначе никак». Правда нам есть что вспомнить, о чём пожалеть и погрустить, а также помечтать о будущем.

МЕЖ ТРЕХ МОРЕЙ

Как чувствует себя маленькая бесцветная песчинка, долго-долго лежавшая в основании бархана, под грузом миллиардов спрессованных ветром подружек, ощущая все однообразие и монотонную тяжесть будней, и вдруг в один миг вознесенная высоко на гребень бархана и летящая между прошлым и будущим в состоянии восхитительной иллюзии свободного полета?

Слоеный пирог

О наступившей осени напоминают убранные поля, сбившиеся в стаи птицы, холодные ночи, туманные утренники да ведра грибов для продажи по обочинам. Мы мчимся, окутанные запахом созревшего яблок, убегая от дождей и холодов на юг. В компании участников «Каравана» хотели бы увидеть пустыню, понять красоту этого края, насколько это возможно, едва соприкоснувшись с ним. Ни мы, ни наша техника не готовы к многодневному шторму песков. Поэтому наши дальнейшие южные пути-дороги, смотря по обстоятельствам, поведут к чинкам Каспия возле Шевченко, к роскошным ледникам и ущельям Теберды или на Тамань, край вызывающий восторг многих наших приятелей, побывавших там. Новые и новые впечатления дороги наслаиваются, переплетаясь. Мы пока не знаем, по зубам ли нам этот слоеный пирог.

Первая ночевка застревает в памяти как рыба кость в горле. Отработав суточные 500 км, остановились в густой шестиметровой ширины посадке, среди полей. Быстро стемнело. Вот тут-то и заревели трактора. Ночная пахота продолжалась всю ночь. То справа, то слева, чаще всего без света, к нам приближался мощный К-700. В трех метрах от нашей палатки, громахая множеством плугов, он разворачивался, почти не сбавляя скорости, сотрясая землю. Я с содроганием думаю о том, что одно неловкое движение полусонного или, не

вряд ли что останется, даже переехав мотоцикл, эта машина и не вздрогнет, не почувствует препятствия. Но все обошлось, постепенно усталость притупляет чувство опасности, и под утро мне даже удалось вздремнуть между их безумными разворотами.

В течение пяти дней наши с Волгой пути неразрывны. Дыхание великой реки, ее туманный образ уже не покинут нас до Астрахани, накладывая буквально на все окружающее печать ее постоянного присутствия. Река будет меняться, как женщина, примеряющая наряды, но обрамление берегов только подчеркивает ее величавое очарование. Дельта Волги удивляет, словно экзотическое восточное блюдо: оазис среди унылых, пустынных, выгоревших степей: слева дороги бесплодные степи, даже местами барханские участки, а справа в дельте ивняки и луга, заливы и протоки, сады и бахчи. Уже чувствуется соседство Казахстана - в подобных луна лицах красавиц, в раскосых глазах смуглых парней.

Располагаемся под обрывом одного из заливов Ахтубы. Вдыхаем аромат южных трав. В час, когда смолкает рев двигателя и тишина нарушается только страстными воплями огромных лягушек, уходит усталость из измученных тел. Лунная ночь, небо в алмазах звезд. Тем печальней утром пыльная зелень тополей промышленного Ахтубинска. Желание побывать на самом большом соленом озере, увидеть гору Богдо не оставляет нам выбора - поворачиваем на Баскунчак.

В возрасте 8-10 лет мне довелось купаться в соленом озере в окрестностях Соль-Илецка. Тело помнит ни на что не похожее чувство невесомости, плотности насыщенного раствора, его неподатливость. А гора Богдо для нас не только «казахский мелкосопочник», но и вынесенная из глубины веков Олегом Рябенко легенда о двух праведных монахах. Мусульманские кладбища, как маленькие города усопших духов, с пагодами среди пустынных степей, заставляют нас провожать их глазами, до боли выворачивая шею. После Ахтубинска с налетом пыльной нищеты, убожества и упадка - Нижние, Средние и Верхние Баскунчаки приятно удивляют устроенностью и порядком. Вдали маячит Большое Богдо.

Профиль горы мы увидели за 15-20 км. Моим мечтам законсервироваться в насыщенном соленом растворе не удалось реализоваться - воды в озере мало, она бывает в интересующих нас количествах только весной. Но мы не особенно огорчились - будем стареть достойно, без консервации, тем более по современным теориям - все консервированное очень вредно.

На многие километры простирается безбрежное мелководье - чуть подойдешь к берегу, нога вязнет в клейком соленом иле. Озеро огромно, его пределы теряются в розовой дымке далей. Где-то посреди озера проходит железнодорожный путь. Все как положено: шпалы, рельсы, даже стоит пара вагонов. Всюду соль: ею пропитан местный песок, возле дороги карстовые провалы. С севера вдруг стремительно накрывает горизонт сиреневая туча. О, аллах здешних мест,

не допусти, чтоб мы застряли на этих глинистых дорогах! Да тут полдня будешь выбирать, скользить да падать! Но, тем не менее, пытаясь в дорогах, мы упрямо подбираемся к подножью горы. Конечно же, нам хочется въехать на гору, а не примитивно взойти пешком.

Дорога все круче, надрывно ревет мотор. Все-таки сумели! Едва взглянув вниз, ахнули: кроваво-красные холмы и холмики усеяли весь северо-восточный склон. Они еще и с белыми прожилками, словно великолепно приготовленный слоеный пирог! Вот уж не зря сюда пылили!

Наглядевшись на буйство красок и поражающий воображение ландшафт, скатываемся с горы, не включая двигатель, наслаждаясь тишиной, нарушаемой только шелестом резины по каменистой дороге да свистом ветра. Туча, сияя радугами, медленно отступает к западу, не проронив ни капли.

Выехав на трассу, радуемся качеству здешних дорог и почти совершенно отсутствию машин, мчимся, сожалея лишь об одном: нельзя ехать быстрее. Чувствуем себя призраками, последними из людей в этом покинутом всеми мире. Новенький, неизвестно для кого проложенный асфальт с обочин зарастает давно не стриженной травой и кажется, что мы первые, кто нарушает его серую первозданность.

Но иллюзии кончаются, едва мы въезжаем в дельту, здесь уже людные места! Постоянно сверяясь с картой, добираемся до Бейбека, встречая ползающих по дороге черепах. Затем на пароме пересекаем Кигач - и вот мы в лагере «Каравана».

Мото-Вавилон

Следующие два дня - совершенно особый мир, сотканный из противоречий первых впечатлений. Уже через полчаса мы почувствовали себя как дома, хотя и старались не позабыть, что мы в гостях. Лица знакомые по журналу «Мото» и увиденные впервые. Мир тесен, и нашлись общие знакомые: кто-то долго жил в наших местах, на родине других бывали мы.

Обилие техники - хорошей и разной: «Уралы» с днепровскими движками, «Ямахи», «Хонды», кроссовые «Мински» и «Ижи», «Явы». Легкие мопеды и «табуретки», вначале не внушавшие нам доверия, прекрасно показали себя в песках, в руках классных пилотов. Причем, удостоенная чести, с моим водительским опытом я еще смогла прокатиться на «Пилоте», покоровившем Шапшал, но щедро подаренной мне возможностью «прохватить» на «Малабути-кроссер» я не смогла воспользоваться. Юркая машинка на песчаной дороге выскользывала из-под неумелого ездока, как норовистая лошадка, стараясь встать на дыбы. Портить дорогую обшивку падениями - последнее дело. Остается только с восторгом наблюдать за стремительным скольжением, почти полетом, а иногда и буквально полетом, зная уже на собственном опыте, что легкость и непринужденность не только заложена в характере

машины, но и прежде всего - это мастерство пилота, взирающего на нас, восторженных грешных с рахманиновской непроницаемостью. Яркость совершенных форм скутера так уместно сливается с гоночным «прикидом» владельца, что это зрелище способно восхитить самых стойких противников «импорта».

Аура мужской дружбы, недилетантские разговоры о технике, терпимость к любому мнению, сильные мужские характеры, как простые и цельные с яркой окраской индивидуальности, так и противоречивые, едва ли не капризные, но с устойчивым стержнем сангвиника. Богатырское телосложение сочетается с доброжелательностью силы и рядом нервная сила духа в хрупких на первый взгляд телах. Красноречие и молчаливость, простота нравов и почти цвейгowska психологическая сверхчувствительность, непритязательность и изящество.

Фирменные одежды гонщиков, байкерские прибабасы мирно уживаются с русско-турецким ширпотребом. Хотя наряды здесь - не главное, но как не восхититься совершенством формы и безупречной функциональностью. Широта души этой компании милостиво позволяет немногим здесь девушкам и дамам чувствовать себя сестрами этого братства, вести себя легко, раскованно и свободно.

Испытание

Пиво и рыба дополняют подготовку к завтрашнему однодневному, ознакомительному пробегу, в котором может участвовать каждый, в том числе и мы. Надеемся, что наш конек-горбунок увезет двоих: не хочется разрушать наш симбиоз. Надеемся также, что не угробим его за этот короткий пробег и он еще повезет нас дальше и дальше. Уже на выезде стало понятно, что мы, к сожалению, будем замыкать караван. Семнадцатизубая звездочка главной передачи (которая так хороша для асфальта) стремится закопать заднее колесо едва добавишь газу, поэтому скорость набирается сложно и приходится пилить на первой передаче. Кроме того, отсутствие подножки (она вчера отвалилась) не добавляет водителю легкости в маневрировании. Ну, а наличие пассажира - это неизбежная потеря равновесия и я, крепко обхватив мужа, стараюсь стать частью его тела, однако все это мало помогает и в наиболее сложных местах Жора газует один. Как бы то ни было, мы благодарны, что нас поджидали время от времени, и вновь основная масса каравана, начав движение, скрывается из глаз в одно мгновение, выйдя на глассирование и развивая скорость около 80 км в час. Изредка и нам удается достигнуть хорошей скорости (около 70 км в час), и Жора изо всех сил стремится ее удержать. Падения на малой скорости не в счет, но один раз все-таки улетели на скорости выше 40 км и, хотя песок мягкий, падение - чувствительное. Когда караван достиг матерых песков, барханный пустыня предстала перед нами в своем устойчиво вечном величии и обманчивом непостоянстве. Ветер сдувает с подковы барханов мельчайший песок, легким облачком курящийся в лучах солнца, текут, перемещаются барханы незаметным, но неотвратимым движением, но общая картина от этого меняется только в деталях. Ребята катаются

по барханам, вдохновенно ловят радость в этом занятии. Жора тоже сумел почувствовать сущность такой езды, но мастерство, удаль и кураж корифеев этого жанра поражают. Полеты и прыжки, от которых у зрителей захватывает дух, не всегда заканчиваются благополучно, но риск придает мужским забавам особое очарование. Признаюсь, меня терзали легкие угрызения совести: без меня Жора получил бы в пустыне больше удовольствий и гораздо меньше тяжелого труда.

На следующий день народ готовится к многодневному автономному переходу, а мы избавляемся от песка, которым забито все: кожух вентилятора, ребра охлаждения головки. Песок проник даже к генератору, хорошо, если не к коренным подшипникам. Ресивер тоже полон песка: зачем надрывать и брать воздух через фильтр, если в гибких соединениях полно щелей и воздух в карбюратор поступает в смеси с песочком, минуя фильтр. Промыв все эти опасные места и подтянув все разболтанные гайки, не удалось избавиться от вновь возникшего при работе двигателя звука, природу которого не можем определить, правда, люди знающие советуют из-за «этого механического звука» не волноваться. Весь вечер ловим рыбу, как Жора выражается «на пуговицу от кальсон», а именно на кусочки перловицы, беседем обо всякой всячине со всеми, кто более-менее свободен, снимаем на пленку черепа, греющихся на коряге, выступающей из воды, пьем с ребятами пиво и ловим обаяние красивых мест и симпатичных людей. Остановись мгновенье, ты прекрасно! Нам с утра в дорогу. Решено - мы едем на Тамань. Утром все наши новые знакомые оказали нам честь: вышли проводить, хотя у них своих дел по горло - скоро им стартовать. Как сказал один из них: «Будем улыбаться, даже если хочется плакать». Наш девятилетний аккумулятор, старый хроник, вдруг занемог - разрядился, и парни сначала толкали наш груженный мотоцикл, а потом дали «прикурить» от своей машины. Признак, конечно, плохой, но, авось, ничего. Прощайте все, нам к Астрахани - пыльной и огромной!

На обломках тридцатого царства, Тмутараканьего государства

«В 964 году князь Святослав, сын княгини Ольги, двинул свои полки на хазар. Пали хазарские города, закрылась последняя страница хазарской истории, Тмутаракань (ныне Тамань) стала русским владением». (Учебник истории для 6-7 кл. Т.В. Черникова).

Какого цвета пыль прошлых эпох, какого цвета история? Прикаспийская измененность, Тамань - места связанные с расцветом и гибелью великих цивилизаций, независимо от моего сознания окрасились во все оттенки фиолетового, цвета бесконечных далей. Этот цвет повсюду сопровождал нас отныне: начиная с фиолетовых перекасти-поле, которые в это время пыльным цветом заполнили все обочины.

На базаре в Астрахани мы накупили жереха, сома, осетрины. Двадцатирублевый жерех был столь велик, что никуда не вмещался, и я привязала его к спине в полиэтиленовом мешке, так, что хвост торчал воз-

ле уха. Мой гардероб, украшенный огромной рыбиной, доставлял массу развлечений всем, кто видел эту картину, в том числе и нам: ведь рыба очень жирная и при движении пробивает полиэтилен, в результате чего я надолго пропиталась рыбьим жиром с неистребимым запахом копченостей. Так что последующую неделю мы питались исключительно рыбой и пивом, ибо что за рыба без пива. Правда, нам так и не удалось нарастить пивные животики, как настоящим байкерам. Постепенно въезжаем в калмыцкую степь, но заливы дельты еще долго будут давать жизнь всему: вдоль дороги поливное земледелие, арбузы километрами лежат на бахчах прямо у дороги, в озерах полно дичи. Здесь не только утки и лысухи, но гуси и лебеди. Постепенно падает плодородие почвы, и вот уже от горизонта до горизонта - степь, лучше сказать - пустыня, то с барханными участками, то с глинистыми такырами. Несмотря на унылость пейзажа, мои дальнзоркие глаза отдыхают, охватывая безбрежный простор...

Здесь, в прикаспийской низменности, под 10-километровым слоем песка, столетиями намытого праморем, лежат отроги древних гор. Где-то рядом по краю Каспия проходил Великий Шелковый Путь, процветало и в свой срок погибло хазарское ханство. Ничто не напоминает об их былом величии. Все смыло море, все сравнял песок. Так и сегодня у нас на глазах в агонии войн и нищеты смердяще расплзается, а где и режется по живому, «сшитое нитками крови лоскутное одеяло» одной из величайших мировых империй - СССР (пусть даже по размерам - остальное, возможно, ибберация близости). Не мы первые, не мы последние в этой бесконечной череде взлетов и падений. Начавшиеся неукротимые события еще не утащили нас в пучину бессмысленной безысходности, и я с горькой усмешкой наблюдаю начало неизбежного, не видя возможности и не имея сил изменить грядущее...

Перед глазами нищета Калмыкии...

Совсем рядом Дагестан, война...

«У римской забытой дороги,

Недалеко от Дамаска

Мертвенны гор отроги

Как императоров маски.

Сгнивали империи корни

Она, расплзаясь, зияла,

Как сшитое нитками крови

Лоскутное одеяло»

Евг.Евтушенко.

Как бы Жоре ни хотелось проскочить Элисту, придется устраиваться на ночлег посреди пустыни. Почти темно. В этот час нам казалось, нет ничего привлекательного ни в серой пустынной бесконечности, ни в трапезе в темной палатке (накрапывал дождь). Правда, запивая сома «Сталинградским темным» было в кайф, и первые капли дождя не огорчили: вот так так - дождь нас застал не где-то, а в пустыне! Но холодный ливень всю ночь до утра - это уже слишком! Молчим. Каждый думает свою горькую думу, говорить не о чем. Мы знаем, что в голове у партнера: «Как бы не пришлось податься до дома, просидев здесь сутки-другие... Дай 69

бог еще выехать на трассу, от дороги-то далеко уехали в целях неведомо какой безопасности, а кругом глина...» Кто бы мог подумать, что вспоминаться чаще всего будет именно эта ночь, холодное ветренное утро, туман на дороге, приторный запах копченой рыбы и полыни.

Выплывающие из тумана фиолетовые холмы загадочны и печальны... Едва миновали Элисту, начал меняться пейзаж пустынных мест. Посадки все чаще, все роскошней, вот уже огромные холмы сплошь засажены разными, устойчивыми к отсуствию воды кустарниками. Постепенно нарастает плодородие края. Ставрополь - стоящий на холмах, «город 2000 замечательных людей», трогательно наивен с насыпными скворами времен, наверное, еще послевоенных, фонтанчиками в виде животных, скульптурами... Все чисто и красиво. Серпантин выезда из города приятно ошеломляет, дополняя общее впечатление.

Не раз сбиваясь с дороги, проскакиваем поворот на Теберду. «Душа болит и сердце плачет» - Кавказ одно из дорогих мне мест. Но гражданская война делает его недоступным. Путаясь в паутине дорог, находим кратчайший путь к морю. Минуем рисовые поля, «чеки», на которых работают комбайны с гусеничным ходом необычно большой ширины. Интересно было бы узнать технологию выращивания риса, но мы спешим к морю.

В Темрюке хозяин дома, где мы набирали воду, подсказал нам наиболее подходящее место остановки на Азове, возле маяка, под обрывом, среди ивняка. Почти по темну добрались до искомого места, заедаемые комарами, поставили палатку, сварила ужин. Жора не фанат моря, а меня его магическое действие заставляет забыть тяготы пути. Возле моря комары не донимают - бриз. Хотя очень холодно, я босиком брожу по прибойной полосе, пока не замерзая окончательно. Волна, ударя по ракушечнику, высекает быстро затухающий шлейф огоньков. Трудно сказать, какова их природа: микроорганизмы.это или электрические явления. Монотонно-усыпляюще мигает далекий маяк, то нарастают, то затухают удары прибойной волны, заставляя сладко замирать сердце, ради таких мгновений многое можно отдать. Утром, несмотря на холод, купаюсь, хотя Жора остерегается таких безответственных поступков. Под ногами ракушки всех размеров, волна прозрачна и нигде я не видела такого чистого аквариумного оттенка воды, как на Азовском море.

С этого дня виноград дополнял нам завтрак и ужин, заменял обед. Нам советовали ехать до Веселовки несколькими маршрутами, но нам захотелось заехать в Тамань. Или город сильно изменился или лермонтовский Печорин, говоря о Тамани, как о самом скверном городишке, воспринимал это место, как сильно уставший от жизни человек. Зеленый городок в окружении виноградников без конца и края не хуже и не лучше других приморских городишек. Узнаем дорогу к так называемым грязевым вулканчикам и долго мотаемся по глинистой грунтовке, пока не подъезжаем к богом забытой кошаре. Круто поднимаемся в гору на холмы и видим первый вулканчик. Его высота 2-3 метра, а на вершине застывший кратер.

Необычайный пейзаж с неведомо откуда взявшимися озерами на высоких холмах превращают живописно изрезанную оврагами местность в нечто фантастически инопланетное. Кругом простираются гря-

зевые поля с рассыпанными по ним маленькими вулканчиками. Особенно поражает огромного размера плоский кратер с жерлом около 30 метров в диаметре. Опасность провалиться в грязевую пучину заставляет замирать наши сердца, ведь под твердой коркой жидкая грязь, способная поглотить кого угодно. Это делает наши изыскания заманчиво опасными. Кругом разбросаны не свойственные местности породы, очевидно выброшенные вулканчиками. Насладившись необычными явлениями и собственным страхом, пускаемся в путь к чинкам южной части Таманского полуострова. Акации по обочинам дороги имеют вид маленьких баобабчиков. По дну высохшего соленого озера, ровного как стекло, выезжаем к обрывистому берегу Черного моря. По одному из съездов спускаемся на берег. О, мама мия! Мы удручены. Столько мусора я видела только в кино о пляжах Майямы. Для полного сходства не хватает только лилового как баклажан негра, шагающего по этому безобразию. Как быстро пластиковые бутылки заполнили и наши пляжи! Но дальнейшее исследование местности смиряет нас с обилием пластмассы. Чуть дальше от съезда мусора все меньше и скоро он исчезает совсем. Недавний шторм очистил довольно большой участок прибрежного песка, и мы решаем не искать лучшего - кажется, и здесь неплохо.

Едва поставили палатку и устроились ужинать, с удивлением заметили рядом с собой арбуз и несколько кустиков помидор, с висящими плодами. Никто не сажал их здесь специально, они сами проросли из случайно оброненных семечек. В сезон, когда пляж был полон отдыхающими, все это было зеленое, а сейчас кругом ничего, только для нас созрели помидоры, поспели арбузы и даже дыня. Наш заливчик украшают кусты горящего огнем крупного шиповника. Почти стелющийся по земле торн усыпан матово-сизыми плодами. По берегу рассыпаны выброшенные волной ракушки рапаны, гребешки и кусочки блестящего перламутра - остатки отшлифованных морем раковин. Отличительная особенность этих мест - фиолетовый цвет прибрежного песка (очевидно, примесь какого-то минерала). Это придает побережью ни с чем не сравнимую индивидуальность. Оттенок песка, нежно-лиловый в полдень, темнеет по вечерам, усиливается, сливаясь с таким же цветом далей.

Изредка появляются местные рыбаки с разнообразными снастями. Они ловят похожую на сома рыбу - пеленгаз, правда, рыба ловится плохо, несмотря на все ухищрения.

Бесцельное блуждание по берегу, радость созерцания «бесценных» находок: ракушек и черепков. Изредка находим остатки явно древних сосудов, изваянных во времена упадка Афин или расцвета Хазарского царства. Интересно, какой «культурный слой» останется после нас? Пластиковые бутылки и шприцы всех размеров?

Просыпаясь утром, еще до света, встречаю светило, кутаясь в пуховку, но постепенно теплеет, и мы сбрасываем одежды одну за другой. Часам к 12 песок уже горячий, обжигает ступни. Сразу у берега довольно глубоко - по грудь, но вопреки ожиданиям впереди оказыва-

ется меляк и большие глубины наступают метрах в двухстах от берега, зато вода теплая и даже при слабом ветре всегда высокие эффектные прибойные волны. Ближе к вечеру холодает, но вода еще долго остается теплой и не хочется выходить на остывший уже берег из ласкового соленого моря. Наконец замерзаю, выскакиваю из воды и снова облачаюсь в выдавшую виды пуховку. Тепло! В южных широтах меняется угол наклона знакомых с детства созвездий, поэтому звездное небо над головой кажется неузнаваемым, чужим, что придает всему окружающему оттенок нереальности и только восход такой знакомой и неизменной луны, отбрасывающей сиреневые тени, соединяет нас с земной действительностью. Не желая делить с грызунами продовольствие, я не придумала ничего умнее, как спрятать хлеб в палатку. К утру булка оказалась пустой внутри, с мерзкими следами мышиного пира. Не хорошие предчувствия о том, как мыши оказались в палатке, оправдались: в углу прогрызена аккуратная дырка.

Утром третьего дня задул сильный северный ветер и, собираясь домой в непогоду, за хлопотами мне легче проститься с морем.

Долгая дорога домой

Оттягивая начало неизбежного конца нашего путешествия, собираем грецкие орехи на обочине, кушаем зрелые сливы с придорожных кустов, затариваемся виноградом сорта «Молдова» (он считается здесь лучшим столовым, но нам по вкусу больше пришелся другой неизвестный сорт, с ореховым привкусом, белый с загорелыми боками). Покупаем вино и наконец решаем, что пора давить на газ. Вплоть до Волгограда сильный порывистый встречный ветер сдувает водителя с седла. Тело становится парусом и кажется, что если бросить руль, то ветер унесет тебя к черту на кулички. Вихревые потоки встречных машин норовят вырвать руль из рук и бросить нас на обочину или под колеса встречных машин. Конечно, в таких условиях Жора редко удастывает меня чести прокатить его. Проезжая Темрюк, остановились на открытой для обзора выставке военной техники. Пока я выбирала удобную точку съемки, чтобы запечатлеть мужественный профиль Жоры на фоне боевых эсминцев, крылатых ракет и сверхзвуковых самолетов, к нему подошли парень с девушкой - они читатели «Мото». Было приятно узнать, что у опрятных, красивых, одетых в белое ребят находится понимание наша точка зрения на отпускное времяпрепровождение. Они с восторгом обозревают небритого мужа, грязный мотоцикл, словом, встречают не по одежке. Утром следующего дня нас накрыли серым крылом непогоды свинцовые осенние тучи. Безликий, как все мегаполисы, Волгоград преодолеваем, к сожалению, долго. Зато нам удалось увидеть Волго-Донской канал с его шлюзами, с ухоженными старыми постройками сталинских времен, очень хорошо сохранившими свое роскошное величие времен «диктатуры пролетариата». Правда, в связи с войной на нас косо и подозрительно посматривали работники шлюзовых - у них приказ: гнать всех с объекта в шею.

Чем ярче разгорается пожар осенних красок, тем холоднее ехать.

Как известно, огонь рябины красной никого не может согреть. Борьба с ветром и холодом оставляет мало места для любования окрестностями. Вспоминаются лишь ночевки. Когда остановишься, сразу становится тепло, а уж если разжечь костер...

Возле Саратова пришлось заночевать в одном из многочисленных здесь оврагов, заросших старым лесом. Тяжелая бронза пожухшей дубовой листвы с патиной темно-зеленых пятен не схваченных еще морозом отдельных листьев, березы в золоте листвы, увядшие травы с редкими последними цветами, тепло костра, горячая еда. Разве много надо для счастья усталым, продрогшим людям? Не доехав каких-то 300 км до дома, пришлось остановиться в котловине среди полей, коротать ночь рядом с причудливо изогнутыми ветрами березами. Их стволы фантастически закручены, прижаты к земле и похожи на руки надорвавшихся в работе сельских баб, не привыкших жалеть свою красоту. Ночью резко похолодало. Пытка холодом оказалась смертельной для святого старца - аккумулятора, к утру он впал в глубокую кому и никакие реанимационные мероприятия не имели успеха. Почтив горестным молчанием все его подвиги, под начавшимся дождем ведем мотоцикл до трассы. Довольно быстро удалось «прикурить» у встречного бензовоза, и Жора целый день за рулем. Мои пластиковые очки, которые мне так нравились в солнечную погоду, в дождь никуда не годятся. Протереть их невозможно, только - снять. Но зато я вижу родные места в ярких красках осени.

Правда, дома пришлось лечить воспаленные глаза, хорошо еще не поймала жука или камень. Несчастья, даже мелкие, любят приходить компанией. У нас отваливается то один контакт, то другой. Пока найдешь его, пока остановишь очередную машину для прикуривания... Встречный транспорт нещадно забрызгивает нас грязью с ног до головы. Ну и страшны же мы! Без слез не взглянешь. А если еще Жора снимет шлем... Перед глазами мирного обывателя предстанет грязное, серое лицо, обросшее 3-недельной щетиной. Недаром, когда мы покупали на придорожном базаре груши, старушки испуганно тараторили и робко спрашивали: «Ребятки, а не взрывать ли нас вы приехали?»

Наши мечты не простираются дальше горячей ванны, а уж чистая простыня - и вовсе незаслуженная роскошь! После исполнения этих заветных двух желаний мы с чувством нескрываемого удовлетворения и даже плохо скрытого злорадства слушаем, как проливной дождь всю ночь стучит в окно под завывание ветра в вентиляционных трубах.

***

Наши родные живы-здоровы, а кошка и собака, сытые и ухоженные, бросаются нам на грудь, ревную друг друга. Наш дом не взорвали террористы, и даже сосед-наркоман не обчистил наш шифоньер. От южного солнца у нас облезли не только спины, но (как у змей пустыни) с наших глаз тоже сползла пелена: мы, позабыв свои года грехи, смотрим на мир с удивлением недавно прозревших.

Антология одной публикации в «Черемшане»

Виктор СЫСУЕВ

ГЛОТОК ВОДЫ

Он воду пил из Эльбы, Вислы,
Дунай он видел голубой -
Советский воин-победитель,
С войны вернувшийся домой.

Он зачерпнул воды из Волги.
Он вытер пот с лица рукой,
И путь ему казался долгим,
И сладким воздух был родной.

Цвела сирень в начале мая,
Струилась волжская вода,
Вкусна была вода речная,
Не пил вкуснее никогда!

Яков РОГАЧЕВ

РАНЫ СВОИ РАЗБЕРЕДИЛИ...

Заняты все койки и диваны.
Приглушил ночные шумы сквер.
Спят
Войны великой ветераны,
Набродившись за день по Москве.

Лиджаки и кители
В наградах,
Не от них ли в комнате светло?
Как сюда,
Российские солдаты,
И каким вас ветром
Занесло?

Каждый Неизвестному солдату
Все слова из сердца вынимал...
Поздравляя с праздничною датой,
Генерал вам руки пожимал...
Раны вы свои разбередили:
Вскрикнет вдруг во сне
Один, другой.
Треть из тех,
Вернувшихся домой,
Вас осталось -
Годы не щадили!..

Только ль годы!..
Чтобы не нарушить
Сна, сдержала свой полет листва.
Затихает,
Распахнув вам души,
Вами защищенная Москва.

Леонид АРТАМОНОВ _____

Я ПОМНЮ ВАС, ОТЦЫ ФРОНТОВЫЕ

*Да, время уходит. И вы постарели,
И раны глубокие в память о том,
Когда вы тонули и в танках горели -
Свои имена забывая потом.*

*А праздник Победы для вас, ветераны,
Как жгучая память о прошлой войне,
Чтоб вы подсчитали смертельные раны.
Их много. Душевные раны? Вдвойне.*

*Не ждали почета по вашим заслугам.
Награды звенели на вашей груди.
Шагали в деревне покорно за плугом,
Но только в бригаде - всегда впереди.*

*А сколько потом вы сирот накормили!
Я помню об этом в душе до сих пор,
Как вместо крапивы зерно уж варили.
Вы с совестью чистой глядели в упор.*

*Как братьев моих, не вернувшихся с боя,
Я вас расцелую сегодня, как брат:
Я ждал их напрасно, не зная покоя.
Хотя вы чужие, за вас очень рад.*

*Ушедших от нас и живущих поныне
Вспомянем сегодня в торжественный час.
Напомнят потомкам живые былины
И вечно живущие песни о вас!*

*Я вас поздравляю, отцы фронтовые.
Забудьте сегодня о тысячах ран.
Награды за вас говорят трудовые.
И званье: «Великой страны ветеран».*

Людмила АРТЕМОВА

***

Но мы не слышим стон земли,
Ведь мы и к стону матери глухи.
И в ожидании беды земля взывает к Богу:
- Создатель, помоги и укажи к спасению дорогу!

Создатель, дай дышать
И исцели глубокие мне раны,
А племя злобное - исчадь ада - люди
Пускай беспомощны и немы будут.

Пусть войны и болезни приведут
Их к грани тлена и страданий.
Меня ж их пустословья не спасут! -
И все ж Тебя спасти они лишь могут сами, -

Ответил Бог и, помолчав, добавил:
- Давно я Сына их спасти отправил,
Вторично отправлять страшусь,
Боюсь, теперь я на возмездие решусь.

Ну а поскольку рождены вы друг для друга
Я не хочу тебя страшить,
Не научившись мудро жить,
Падет в небытие предавший друга.

И если разум не родит Добро,
По-прежнему всем миром будет править зло,
Тогда, чтоб возродить Любовь,
Тебя создать придется вновь.

- А люди?! - Люди! Они, презревшие своих детей,
Предавшие в угоду злобе и страстей
Тебя, на миллионы лет
Им не увидеть Божий свет! -

Умолкла в горестном раздумии Земля,
Поникли деревья, притихли воды.
- Прости, Создатель, их, как их прощаю я,
Дай лишь прозренья, чтобы себя они спасли
От нового Потопа.

Елизавета ПАРФЕНОВА

ВСТРЕЧА

Возвращаясь из отпуска, Ольга Ивановна заехала к сестре Анне, которая жила в небольшом южном городе. Сестра очень обрадовалась ее приезду. До позднейночи затянулась у них беседа: вспомнили детство и общих своих знакомых. «А ты помнишь Славку Нехожина, - спрашивала Анна сестру, - что жил на Песочной улице? Он таким знаменитым художником стал».

Ольга вспомнила худощавого, небольшого роста мальчика. Он был каким-то молчаливым и застенчивым. Надо же! Кто бы мог подумать, что в таком, казалось бы, неприметном мальчике скрывался такой талант. Они долго еще вспоминали о той поре, когда были совсем детьми. Это было так давно и в памяти многое уже не сохранилось, но что-то светлое, доброе осталось навсегда.

На утро Ольга Ивановна стала собираться в дорогу. Долго уговаривала сестру Анна, чтобы она пожила у нее несколько дней. «Не могу, - отказывалась Ольга Ивановна, - мне на работу надо и о доме душа болит».

Проводить ее пошла Наташа - четырнадцатилетняя дочь Анны. По дороге она купила себе и Ольге Ивановне мороженое. Вдалеке показался речной порт, откуда должен отойти пароход, на котором Ольга Ивановна поедет домой. Распрощавшись с племянницей, взяв у нее сумку, она медленно пошла к пристани. Там было многолюдно - только что причалил пароход и люди спешили на посадку. Вдруг внимание Ольги Ивановны привлек мужчина. Он стоял в толпе и с кем-то весело разговаривал. Она замедлила шаг, всматриваясь в его лицо. «Боже мой! До чего знакомые черты!» - подумала она. Но в это время сзади кто-то зло бросил: «Посторонитесь! Видите, с вещами». Она уступила дорогу и стала искать в толпе знакомое лицо. Их взгляды встретились. На миг они застыли в каком-то оцепенении. К пароходу подали трап. Ольга Ивановна быстро поднялась на палубу и стала всматриваться в толпу, ища его взглядом. И вдруг увидела спешившего. Он всматривался в лица отъезжающих. В это время пароход дал сигнал отправления и медленно стал отходить от пристани. Ольга Ивановна увидела его лицо, полное какого-то отчаяния. Она помахала ему рукой, он заметил и побежал вдоль пристани, махая и крича что-то в ответ, пока пароход не скрылся из вида.

Ольга Ивановна устало опустила сумку. Рядом с ней оказалась пожилая женщина. «Ох и жарища», - произнесла она. Ольга Ивановна стояла и будто бы ничего не слышала. Потом нашла свободное место и села. Рядом стояли молодые парни, один играл на гитаре какую-то грустную мелодию. Вдруг перед Ольгой Ивановной предстал в памяти молодой человек в военной форме, и воспоминания о далекой молодости нахлынули на нее.

Шла война. Она пятнадцатилетней девушкой устроилась на работу в почтовое отделение, которое обслуживало воинскую дивизию. В почтовом отделении многие получали письма до востребования, получал их и младший лейтенант Егоров. Он был особенно внимателен к девушке, а однажды пригласил ее на торжество по случаю Дня артиллерии. Ольга сильно смутилась, но он сказал: «У меня есть приглашительный билет, так что я зайду за вами».

Разговор этот слышала начальник почтового отделения Нина Николаевна и посоветовала:

- Оленька сходи, конечно.

- Да в чем я пойду? У меня нет даже приличного платья.

- Ну, что-нибудь придумаем.

Ольга рассказала о приглашении своим подругам Зине и Любе. Они были эвакуированные: одна - с Украины, другая - из Белоруссии, и работали в столовой поварами. У девчат сохранились кое-какие вещи, среди которых нашлось темное шерстяное платье. Надев его, Ольга взглянула в зеркало и не узнала себя - как хорошо оно сидело на ней и очень шло к ее светлым волосам и голубым глазам. Обулась она в кожаные сапожки одной из подруг.

На другой день в назначенное время младший лейтенант Егоров зашел за Ольгой. Она так волновалась, что не могла вымолвить и слова. Это был первый вечер в ее жизни. В зале, куда они пришли, собрались все приглашенные, были уже накрыты столы. К их столику то и дело подходили офицеры, они были знакомы с Ольгой - многие приходили в почтовое отделение: кто за письмами, кто за переводами и все старались проявить уважение к девушке.

В сводках Информбюро сообщалось о победах на всех фронтах. У офицеров было приподнятое настроение. С праздником всех поздравил генерал, командир дивизии, много теплых слов было сказано в адрес офицеров, подготовивших немало солдат для фронта.

Вечер затянулся далеко за полночь. Младший лейтенант проводил Ольгу до почтового отделения, где она жила. У дома задержались. Был сильный мороз, Ольга чувствовала, что сильно замерзли ноги, Егоров догадался:

- Ты замерзла. Ну, спокойной ночи. Мы встретимся завтра?

- Да, - ответила Ольга.

Войдя в помещение, она сняла сапоги и решила отогреть ноги у печки, но это не помогло и пришлось оттирать их снегом.

На другой день он снова пришел. И так стало продолжаться каждый вечер. Егоров рассказывал о себе, что он вернулся с фронта, был контужен и сюда его направили после госпиталя. Родом он был с Кубани и с особой теплотой рассказывал о своем крае, о своей станице. Ольга с большим волнением ждала каждой следующей встречи. Он был таким внимательным и добрым, всегда подтянутым и очень стройным и красивым. А когда вечером он тихонько стучал в окно, у нее сильно начинало биться сердце.

Целыми днями Ольга жила ожиданием следующей встречи. Так продолжалось месяца два. Но однажды Егоров пришел расстроенный и сказал, что у него обострение после контузии и его направляют в санчасть.

- Будешь навещать меня?

- Да, - ответила она.

Санчасть находилась совсем рядом. Проходили дни, Ольга ежедневно навещала Егорова, но улучшения не было. А однажды она застала его в бессознательном состоянии. Он бредил, громко подавая команду пулеметчику, то вдруг затихая, стал напевать песенку и уже тихим голосом давал другую команду: «Лодки на воду!»

Ольга сидела и с болью смотрела на него. Вдруг, открыв глаза и увидев Ольгу, Егоров спросил:

- Ты все видела?

Взял планшетку и из нее выпал листок, исписанный мелким почерком. Она подняла его, он как-то смутился и сказал:

- Возьми, это для тебя.

Она прочитала. Это были стихи, стихи об их встрече, полные тепла и любви.

Придя на следующий день, Ольга не застала Егорова в палате. Его увезли в бессознательном состоянии неизвестно куда. Напрасно она пыталась что-нибудь узнать о нем - никто не мог сказать ей что-либо.

Долго она ждала от него известий, но их не было.

Закончилась война, Ольга уехала, встретила другого парня, вышла замуж.

Но встречу с младшим лейтенантом Григорием Егоровым никогда не могла забыть...

Пароход подходил к пристани. Стояла тихая, теплая погода. Над рекой кружили белокрылые чайки. Ольгу Ивановну пришла встретить дочь. Взглянув на мать, она воскликнула:

- Мама, ты так помолодела!

Мать улыбнулась и ответила:

- Да, на целых двадцать лет.

НАПРАСНОЕ ОЖИДАНИЕ

В конце войны была расформирована воинская дивизия, и воинские части покидали свое местопребывание. Это был настоящий поселок. Вместо домов - уютно выстроенные землянки и ухоженные дорожки, а расположен он был в сосновом лесу и что-то сказочное было в его облике. Было множество и разных сооружений, и на охрану всего этого было прислано небольшое подразделение под командованием капитана Максимовича. Он часто приходил в почтовое отделение справиться о письмах. Высокий, стройный, лет тридцати пяти, офицер. В это время к нему приехала жена Полина Васильевна из Воронежской области. Высокая, приятная женщина, скромно одетая, с обветренным лицом и огрубевшими от работы руками. Видно было, что немало пришлось поработать ей, да и работала она в колхозе. С ней нас познакомил капитан, мы сразу подружались. Она долго и много рассказывала о своей нелегкой судьбе, о том, что пришлось побывать и в оккупации, всего натерпелась, вспоминать страшно. Детей у них не было, жила она с его родителями и все невзгоды военного времени делила с ними пополам. Из ее рассказа я поняла, что они очень любят свою сноху, она к ним относится так же: своих же родителей у нее никого не осталось.

Однажды капитану пришло письмо, потом другое, и я почувствовала в нем какие-то перемены. Раньше он был веселым и каким-то дружелюбным, всегда с улыбкой. И вдруг резко переменялся. Приходит жена и говорит:

- Васю переводят в часть.

- Значит, и вы поедете с ним?

- Да нет, он говорит, жить негде. Пока поеду домой. Вы уж, пожалуйста, помогите ему, если в чем будет нуждаться. Может, постираете ему иногда, пока он не уехал.

- Конечно, - согласилась я.

На второй день она пригласила меня на ужин, шутила, смеялась, но что-то грустное было в ее глазах. А капитан был неузнаваем, очень внимателен и добр к своей жене. А я подумала: «Всю войну ждала, вот и дождалась. Только опять не вместе».

Наутро зашла ко мне проститься и все беспечно о своем муже: как он будет один, просила писать ей о нем. Я пообещала.

Где-то через два дня капитан пригласил меня сделать уборку в его квартире, а жил он в небольшом уютном доме, раньше его занимал командир полка. Он отдал мне ключи, а сам уехал куда-то по делам. Я прибрала у него, помыла полы, взялась за посуду и вдруг является он такой сияющий.

- Вот спасибо, а то неудобно - жена ведь приезжает ко мне, - произнес он тихим голосом.

- Как жена? Она ведь только уехала...

- Да. А это другая. На фронте мы поженились.

Я выронила тарелку из рук, она вдребезги разбилась об пол.

- А как же Полина Васильевна?

- Не знаю, - с горечью произнес он. - Но я с этой тоже расписан. И люблю только ее.

Так вот почему он сказал, что его переводят в часть и так быстро проводил Полину Васильевну домой.

Через неделю зашел в почтовое отделение солдат, который провожал Полину Васильевну до дома, и рассказал: «Когда я провожал жену капитана, на вокзале встретил знакомого солдата. Спрашиваю: «А ты куда?» «В командировку». «А я вот жену капитана провожаю». Он как-то усмехнулся: «Ну давай, давай провожай», - и ушел.

Отвез я жену капитана, они с матерью наложили всяких гостинцев целую сумку. Приехав, я снова встретил на вокзале того солдата. Говорю ему: «Проводил жену капитана. Такая добрая женщина, а родители уже пожилые». А он мне и говорит: «Вот ты проводил, а я привез другую жену». Я думал, он шутит. «Пойдем, я познакомлю». Подошли, он представил меня, говорит: «Вот наш солдат, из командировки». Она заулыбалась, стала расспрашивать о капитане: «Хороший он, правда?» Говорю: «Дюже гарный».

И когда приехали, капитан открыл дверь. Я доложил ему: «Ваше приказание выполнил, жену доvez благополучно», - отдал сумку с гостинцами. А мне так не хотелось отдавать эти гостинцы», - сказал солдат и замолк.

Я не могла вымолвить и слова от услышанного. Капитан больше не приходил в почтовое отделение. Да и видела я его, как он разъезжал на тарантасе со своей молодой женой. Много раз я собиралась написать Полине Васильевне, но не смогла.

Вскоре наше почтовое отделение закрылось, так как обслуживать было некого. Долго-долго еще я думала о той женщине, которую проводил муж к своим родителям покоить их старость.

Иван ЛЕБЕДЕВ

СХВАТКА СО СМЕРТЬЮ,

или История одной медали

Пятьдесят восьмая дивизия

Кованные сапоги немецких захватчиков, громяхая по многострадальной земле, неудержимо продвигались к Волге. Советский народ встал на защиту своей страны.

В рядах этих защитников был и недавний тракторист Андрей - отважный пулеметчик в дивизии, которой командовали полковник А.И.Семонов и комиссар И.Т.Соковский.

Это была та самая знаменитая дивизия, которая формировалась в Мелекесе и стала впоследствии называться 58-й Гвардейской, Краснознаменной, орденов Ленина и Суворова, Красноградско-Пражской стрелковой. Она прошла путь от Волги до Эльбы.

Но такая слава пришла к ней позже. Помнят старые ее ратники, чем они были вооружены в начале войны. Винтовками образца 1891 года. Затвор, бывало, не откроешь. Саперной лопатой жажнешь по нему, только тогда откроется. А автоматы ППШ? Чуть песок попадет - затвор вообще не ходит. Роса на автомат упадет - пожелтеет весь. Не то что у немцев. Их автомат кладли на пять лет в соль, вынешь - как новенький. Будто смазанный лежал...

В общем, хорошо вооружен немец был. Не то что наш брат. Да и воевать умел. Поэтому и полегло наших столько. На одного убитого немца наших семеро приходится. Недаром наших 14 армий в окружение попали. В финскую-то войну вся гниль нашей армии наверх выплыла. А от нее до Отчужденной рукой было подать...

Андрей у железнодорожной насыпи прикрывал отход своей роты. Его второй номер, украинец, с простреленными ногами лежал рядом. Хрипел, истекая кровью. Слезно просил Андрея пристрелить его, чтобы не оказаться в плену. Но Андрей не слушал, отстреливался из пулемета.

Когда кончились патроны, снял напарника, поцеловал его и бросился за близстоящие бараки. наших здесь уже не было.

Выбежал в поле. Оглянувшись, увидел танк. Подумал, что это наш - охранял штаб. Потом «разул глаза», метнулся наутек. Животный страх обуял его, как горячий воздух шар, он наполнил все его тело. Оно стало невесомым. Этот страх толкал его в спину, выжимая из нее холодный пот.

Не касаясь земли, ноги несли его вперед, а взгляд метался по сторонам в поисках укрытия. Но его не было. О, как бы хотел Андрей в эту минуту, чтобы земля разверзлась под его ногами!

Немецкий танк настиг его. Но Андрей от страха, заложившего уши, не слышал даже лязга гусениц этой махины о мерзлую землю. Он чувствовал, чувствовал ее присутствие за спиной всей своей кожей. Всеми фибрами души он знал, что еще мгновение, и его худосочное - метр с шапкой - тело будет впечатано в мерзлую землю.

В последнее мгновение перед бойцом возникло препятствие - небольшой овражек. Собрав остаток сил, он нырнул туда.

На дне этого спасительного укрытия в сорокаградусный мороз на его разгоряченном лице, как на раскаленной сковороде, кипел снег. Талая вода вперемешку со слезами капала с его щек. Он стоял на четвереньках и невидящим взглядом смотрел наверх.

Когда пелена спала с глаз, он обомлел: на танковой броне сидели немцы. Их было трое. Но ему показалось, что там сидит один немец с тремя головами. Их туловища словно слились воедино. Но не эта метаморфоза примагнитила его взгляд, а вороненый пистолет, направленный на него.

Немец пистолетом поманил напуганного солдата к себе наверх. На четвереньках воин выполз из овражка, как кролик к удаву. Не отрывая от пистолета загнипнотизированных глаз, медленно пополз к танку. Слух его словно прорезался. По ушам хлестнул вырывающийся из трех глоток хохот его врагов. Он явственно слышал этот хохот и видел вороненую сталь, готовую в любую секунду изрыгнуть из своей пасти смертоносное жало.

Потом между ним и этим стволом сверху опустился на лоскутке серого неба человек в красной одежде и, заглушая хохот раскатистым басом, хлестнул его по барабанным перепонкам: «Опомнись! Встань с колен, мерзкий червь!»

Андрей, еще больше напугавшись, закрыл глаза. Когда открыл их, видение исчезло. Он видел перед собой только немцев. А в глазах стало темнеть от злости и унижения. Лица немцев стали расплываться. Непослушными руками защитник поруганной страны как всесокрушающую дубину поднял за ствол

ручной пулемет над головой и ринулся на них. Хлестнул выстрел - враг отсалютовал ему за проявленную храбрость.

Потом немец спрыгнул с брони танка. Расстелил свою шинель на снегу рядом с пулеметом Андрея. Бережно снял бойца с гусеницы танка и также бережно уложил его на свою шинель. Прикрыл тщедушное тело одеялом. Танк развернулся и, содрогая мерзлую землю, умчался к железнодорожной насыпи. Всего этого Андрей не видел и не слышал. Сознание покинуло его. Но эту картину видел командир его роты, наблюдая в бинокль.

Потом Андрей очнулся снова от громового голоса, и человек в красной одежде поплыл на кусочке неба перед ним, показывая дорогу солдату к его роте...

За этот бой Андрей был награжден медалью «За отвагу». Но носить ее ему не пришлось. Стоило только ее нацепить на грудь - видение появлялось снова, и Андрей терял сознание.

Кто только не лечил его от этого после войны. И врачи, и знахари, и даже титулованные экстрасенсы. Но видение повторялось снова, стоило надеть медаль. Однажды Андрей заболел. Месяц пролежал в больнице с диагнозом «язва желудка». Через две недели после выписки оттуда к нему подошел всезнающий внук Митяй.

- Дедушка, - сказал он, - а я знаю, чем ты болеешь.

- Чем? - спросил дед.

- Пауком, - бойко ответил тот. - Скоро он тебя всего съест. Я сам слышал, как тетя врач мамке говорила. Только ты меня, смотри, не выдавай, ладно? А то мне от мамки попадет.

И довольный, что поделился с дедом тайной, прижался теплой щекой к его морщинистой руке.

Через некоторое время он уже беззаботно щебетал около бабушки, пришедшей из магазина.

- Мать! - позвал ее Андрей. - Угости меня гостинцем.

Та принесла ему в постель печенье.

- Нет, мать - остатки зубов от сладостей выпадут, - засмеялся он. - Налейка ты мне лучше «фронтovou».

Та принесла ему стопку водки.

- Все, дед, последняя, - сказала она, села рядом и взяла за руку.

- Сколько же годков-то после войны уже прошло? - стал считать он.

- Шесть рюмок в бутылке, я допиваю третью. Значит, уже восемнадцать, - Андрей выпил. - Вот говорю, мать, - задумчиво продолжал он, - жизнь прожить - не поле перейти. Врут, однако. Сколько я полей-то перешагал. А все радуюсь жизни. Не устал от нее. Наверное, надо правильно выбирать свой путь. Иметь хорошего попутчика, как ты, - он обнял старушку, - и жизнь будет не в тягость. Честь и правда всегда должны быть с человеком. Они ведь как табак со спичками для курящего. С ними и смерть не страшна.

Потом попросил старуху принести медаль.

- Да какую же тебе, старый? У тебя их целая шапка, почитай, будет.

- Митяй! - позвал дед внука. - Принеси медаль, что в коробочке лежит.

Тот мигом исполнил просьбу.

Андрей взял медаль в руку. Жена округлила глаза:

- Да ты что это, старый?! - запричитала она.

Не слушая ее, он прицепил медаль. Минут пять лежал молча. Потом губы его шевельнулись и до старухи донеслось:

- Простите все, кого обидел при жизни. Встречай, Господи! Пришел опять наш черед встретиться. Упокой душу раба твоего и прими меня в лоно свое.

Потянулся с хрустом и... испустил дух.

Из фронтового фотоальбома «Черемшана»

На снимках: сверху - на встрече с мелекесцами в редакции газеты «Знамя коммунизма» (ныне «ДП») радистка-разведчица З. Вологодская, работавшая в тылу врага вместе с прототипом героя романа Ю. Семенова «Майор Вихрь». 1971г.

Внизу - мелекесец, рабочий завода «Химмаш», Герой Советского Союза К.Д. Шулаев, получивший это высокое звание во время форсирования Днепра и за освобождение Киева от фашистов. Фото сделано в 1946 году, когда Константин Дмитриевич служил в Австрии.

На снимке сверху мелекесский поэт и студент Мелекесского педагогического института Александр Охотин, фронтовик, инвалид Великой Отечественной войны.

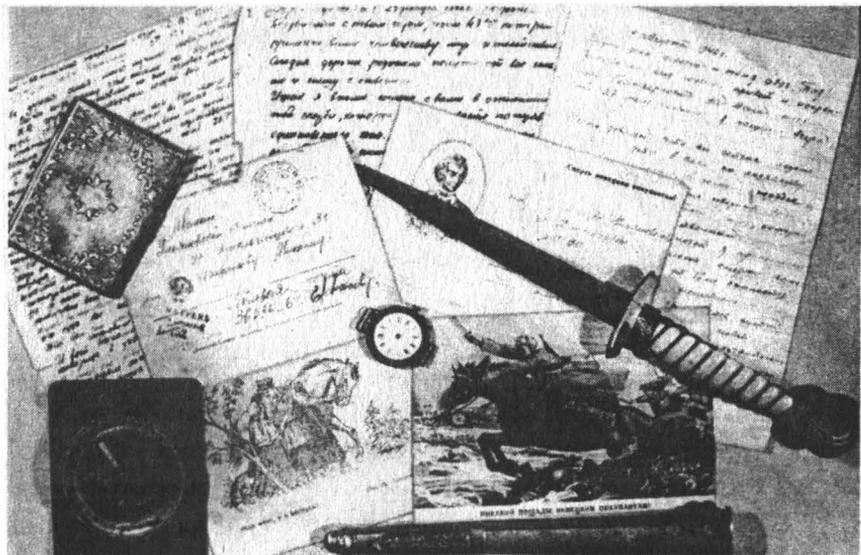

Внизу - некоторым, ставшим инвалидами на фронтах Великой Отечественной, не пришлось даже вернуться в родной дом. Для таких, которых жестоко и горько фронтовики называли «самоварами», - потерявших в боях руки и ноги, строили специальные санатории на побережье Черного моря. Там они под призреием государства доживали свои дни...

На сшмшке: комбат, Герой Советского Союза, мелекесец, участвовавший в обороне Ленинграда Николай Козлов.

*Так выглядят фронтовые письма, кото-
рые посылали своим родным мелекесцы, а также
трофейные вещи, привезенные нашими земляк-
ами с поля боя: немецкие часы, компасы, портси-
гары, кортики...*

*Житель Тиньска Насык Нуруллин в годы войны
был артиллеристом. Освобождал от фашистов
Ригу, воевал на территории Польши в частях
Войска Польского, освобождал Варшаву,
форсировал Одер, брал Берлин, оставил свой
автограф на рейхстаге.
Наш земляк - кавалер нескольких боевых орденов,
в том числе высшего солдатского ордена Славы,
многих боевых медалей.*

Фотокорреспондент запечатлел нашего земляка, автора нашего журнала, члена Союза писателей России, почетного гражданина Дмитровграда, фронтовика Е.С.Ларина во время его встречи с ульяновским писателем, одним из основателей советской печати в Симбирске, героем партизанского движения в Белоруссии, автором четырех романов об этом - Александром Родионовичем Кузнецовым.

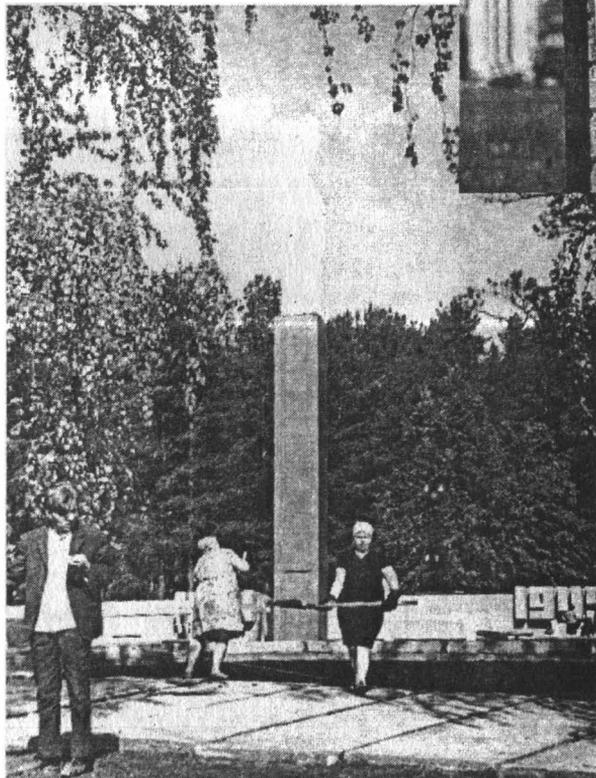
На снимке В. Волчкова - один из многих на мелекесской земле памятников, установленных во славу воинов-победителей, сломавших хребет гитлеровским полчищам. Фото сделано в селе Сабакеево.

Вот так выглядели советские города и села, которые захватывали немецкие войска. Фашисты не жалели ни культурных ценностей нашего народа, ни наших домов, жилищ, ни самих людей. Фото 1941 года.

Этот памятник мелекесской девушке, капитану медицинской службы Марии Мусоровой, погибшей от рук палачей в концлагере Ортельсбурга, установлен сегодня на одной из старинных улиц нашего города рядом со зданием школы, в которой Мария училась. Общественность города ходатайствует сегодня перед российскими властями о присвоении Мусоровой за ее подвиг и мужество звания Героя России...

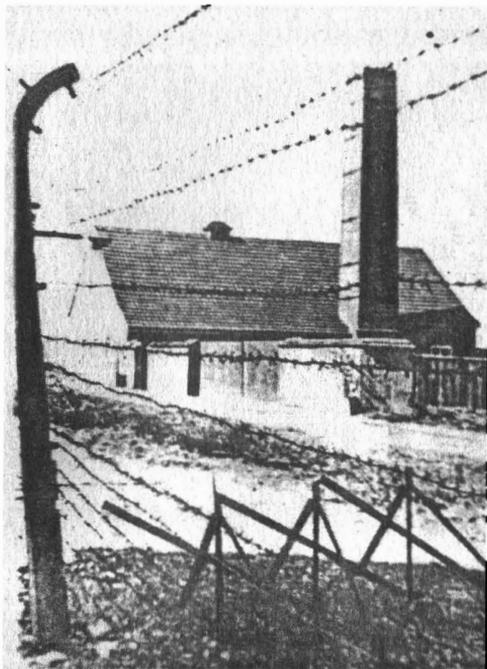
В год 30-летия Победы на перекрестке у соцгорода был торжественно открыт наш монумент Славы и зажжен Вечный Огонь. На снимке: так он выглядел за несколько дней до открытия.

Многие фронтовые части, сформированные в Мелекесе, ушли маршем под Сталинград в подчинение командующего генерала Чуйкова. Это они не только отстояли город на Волге, не дали немцам форсировать великую русскую реку, но и разгромили знаменитые войска фельдмаршала Паулоса.

На снимках: сверху - в штабе Чуйкова разрабатывается операция по окружению немецких войск. Внизу - а так выглядел сам фельдмаршал Паулос, когда его штаб попал в плен.

Среди мелекесцев, ушедших на фронт, было немало и тех, кто, попав в окружение, затем сражался с фашизмом в застенках и концлагерях, в партизанских отрядах.

Вверху - так выглядел концлагерь в Польше Трелиника. Внизу - группа наших земляков на одной из послевоенных встреч с сеневолышками...

На снимке фронтового фотокорреспондента запечатлен момент окончания боя наших танкистов с немецкими мехчастями. Это конец 1942 года. А уже через несколько месяцев советские бронетанковые соединения дадут беспримерный в истории бой фашистам под Курском и Орлом. В этих легендарных боях на Курской дуге участвовали сотни наших земляков.

Фото из серии «Ветераны Великой Отечественной», предоставленные специально для нашего журнала ульяновским фотомастером Артуром Роговым.

Так проходило празднование 55-летия со дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне в нашем городе. Фото С. Кветкина.

1945 Освободители

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ПАВШИМ ГЕРОЯМ -
ВОИНАМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ!
ВЕЧНАЯ СЛАВА ВСЕМ ВАМ,
НАШИ ДОРОГИЕ ФРОНТОВИКИ,
ОСВОБОДИТЕЛИ ЕВРОПЫ
ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОГО ИГА!

Храни нас
сень Святого Православ-
ного Креста

5

литературно-художественный
и краеведческий журнал